

ТЕЛЬМАН ИБРАГИМОВ

ДРЕВНЯЯ
СКУЛЬПТУРА
АЗЕРБАЙДЖАНА

БАКУ – 2013

Тельман Ибрагимов,
Древняя скульптура Азербайджана,
Баку, Издательский Дом “Şərq-Qərb” (“East-West”), 2013, – 108 с.

Редактор: **Флора Наджи**

ISBN

В книге рассмотрены вопросы возникновения и развития азербайджанской скульптуры в эпоху древности. Первые образцы монументальной каменной скульптуры в Азербайджане относятся к эпохе мезолита (среднекаменная эпоха). В период неолита (новокаменный век) развивается мелкая глиняная пластика, связанная с обрядами плодородия. В эпоху раннего средневековья вновь расцветает монументальная скульптура, связанная с культом предков. Большое распространение приобретает культовая скульптура в албанский период.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, а также специалистов по искусству и культуре Азербайджана.

© Издательский Дом “Şərq-Qərb”, 2013

www.eastwest.az
www.fb.com/eastwest.az

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. КУЛЬТОВО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ДРЕВНЕЙ ПЛАСТИКИ	5
Культ матери-прародительницы	6
Культ отцов (предков)-покровителей рода	14
Скульптура погребальных обрядов	20
Тотемистические культы и их отражение в скульптуре	27
ГЛАВА II. ТИПОЛОГИЯ ДРЕВНЕЙ И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ СКУЛЬПТУРЫ	35
Монументальная скульптура	35
Камерная пластика	53
ГЛАВА III. ДЕКОРАТИВНАЯ И СИМВОЛИЧЕСКАЯ СКУЛЬПТУРА НА КУЛЬТОВЫХ ПРЕДМЕТАХ, УКРАШЕНИЯХ И ДОМАШНЕЙ УТВАРИ	79
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	100
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА	104
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	106

ВВЕДЕНИЕ

Духовный потенциал азербайджанской нации складывался из различных напластований, связанных со средневековым исламским периодом, христианской культурой, распространенной в исторической Албании, зороастрийской культурой древнего периода и, конечно же, языческой культурой, рудименты которой отложились в архетипах духовной культуры и нашего подсознания. Осознание всего этого культурного багажа предопределило новые исследования не только в области нашей письменной истории и культуры, но и доисторического прошлого, о котором мы можем судить по остаткам материальной культуры, произведениям художественного творчества, отражающих идеологию, ритуальную практику и эстетические нормы, лежащие в основе национальной самобытности азербайджанцев.

Накопившийся за последние десятилетия новый богатейший фактический и методологический материал в этой области предопределяет рассмотрение нашего языческого прошлого в контексте духовных, культовых и эстетических норм тюркской этнической общности.

Этнический облик, культурные стереотипы наших предков формировались в тесном контакте и взаимодействии с оседлой, полукочевнической и кочевнической культурой степных племен, расселившихся на просторах от Восточной Европы до Северного Китая.

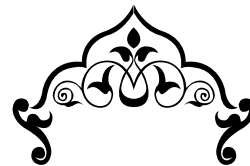
В богатейшем культурном комплексе наших языческих предков скульптура (как ее монументальные, так и камерные формы) играла одну из важнейших функций этнической, культурной и художественной самоидентификации. На огромное значение этого вида художественной деятельности указывает уже азербайджанская форма термина «язычество» – bǔdpǝrǝstlik (идолопоклонничество).

В предлагаемой вниманию читателя книге доисламская (языческая) скульптура в отечественном искусствознании рассматривается в контексте ритуально-обрядовой практики, порожденной языческим мировоззрением наших предков.

Вместе с тем, учитывая то, что этническая и культурная общность наших предков, их обрядовая практика и художественные каноны представляют собой фрагмент древнетюркской метакультуры, к исследованию привлечены синхронные памятники скульптуры большого числа тюркских народностей. Такой сравнительный метод исследования позволил восстановить недостающие звенья семантического и формального свойства в исследовании языческой скульптуры Азербайджана.

ГЛАВА I

КУЛЬТОВО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ДРЕВНЕЙ ПЛАСТИКИ

Языческие представления древних предков азербайджанцев, оказавшие решающее воздействие на возникновение и развитие древней пластики, были наиболее полно описаны албанским историком М.Каланкатуйским («История агван», Б., 1993), Ю.В.Чемениземинли («Девичий родник», Б., 1964), М.Сейидовым («Размышления об этногенезе азербайджанского народа», Б., 1989), Б.Абдуллой («Азербайджанский обрядовый фольклор и его поэтика», Б., 1990) и многими другими авторами. Реконструкции языческой обрядовой практики посвящены труды известных тюркологов Л.Н.Гумилева, С.Т.Еремеева, и конечно же, исследование классиков мирового религиоведения и этнографии – Э.Б.Тейлора, Дж.Фрезера, М.Элиаде, П.Флоренского и др., труды которых служат методологической основой для любых исследований, посвященных древней культуре и искусству.

Ясно, что в основе всех культурных проявлений язычников лежала идеология, проявлявшаяся в культе и обрядности. Искусство, в том числе скульптура, являлось неотъемлемой составной частью этих обрядов. Но, с другой стороны, все эти верования (и не только кроманьонца, но и многих племен и народов, известных этнологам, а не одним археологам) еще не образовали религии как таковой, соотносимой с искусством, мифологией, наукой и отличаемой от них. Подобно тому, как эта синкретическая пракультура не произвела в себе вычленения искусства, науки, литературы, философии и т.д., она не отделила от них и религию. Точнее, религиозные элементы были слиты с иными элементами духовной и обрядовой культуры в единое и нечленимое целое.

Мир, по представлениям язычников, был разделен на 3 основные зоны: верхняя (небо с Полярной звездой в центре), средняя (земля, окруженная водами океана), нижняя (загробный мир холода и мрака). Мировой осью служило дерево или гора. Верховный бог и высшие божества – обитатели верхней зоны, второстепенные и большинство духов – средней, силы зла – нижней.

Эта наиболее общая и фундаментальная картина мира (космос) актуализирующаяся по циклическому принципу, осознается и конкретизируется в языческой обрядности, ритуале и мифопоэтическом мышлении, проявляющихся в конкретных культах, сопровождавшихся созданием архитектурных сооружений, скульптур и различного рода культовых и бытовых объектов, материализующих отдельные фрагменты этой общей картины мира. Наиболее распространенные культы, в которых создание и участие скульптуры являлось первостепенным, рассматриваются нами в этой главе.

КУЛЬТ МАТЕРИ-ПРАРОДИТЕЛЬНИЦЫ

Зарождение одного из самых древних культов – культа великой матери зафиксировано уже в позднем палеолите (Ориньяк). Многочисленные ориньякские «венеры», среди которых знаменитая Виллендорфская (Венский исторический музей) датирована XX тыс. до н.э.

Многочисленные статуэтки небольших размеров (6-12 см), вырезанные из камня и найденные по всему миру, свидетельствуют об универсальном характере культа великой богини-матери еще в каменной эпохе.

Археология представила поразительные свидетельства всеобщего распространения культа Богини-Матери в эпоху каменного века. На громадном пространстве от Пиренеев до Сибири и по сей день находят женские фигурки, вырезанные из камня или кости. Все эти изображения, древнейшие из которых найдено в Австрии, условно называют «венерами». Всех их объединяет одна важная черта. Руки, ноги, лицо – едва намечены. Главное, что привлекает первобытного художника, это органы деторождения и кормления. Выдвигалось предположение, что древние женщины, как и женщины некоторых современных примитивных племён, в действительности имели такие огромные груди и отвислые животы. Но если признать, что в «венерах» отразилось лишь стремление к реализму, то остаётся предположить, что у первобытных женщин не было лица и были крошечные руки.

Порою подчёркивание особенностей женского организма превосходит пределы даже шаржировки, и статуэтка изображает уже женский безголовый торс, в котором особенно выделены груди и бёдра. Наконец, последний предел упрощения – статуэтка, представляющая одни только груди, – чистая деятельность рождения и вскармливания без малейшего намёка на мышление. Это древнейшее воплощение идеи «вечной женственности».

Разгадка необычайных черт в фигурках «венер» кроется в том, что они были, как думает большинство исследователей, культовыми изображениями. Это не что иное, как идола, или амулеты Богини-Матери.

Вобрав в себя многое из древних тотемистических представлений, культ плодородия как бы слил воедино плодородие земли, размножение домашнего скота и плодovitость женщины-матери. Отправления культа (чаще всего весной, но иногда и осенью) обычно сопровождалось пышными ритуальными торжествами в честь божеств и духов, имевших отношение к этому культу. Обряды и ритуалы при этом красочно обрамлялись фаллическими эмблемами и символами, что должно было подчеркнуть значимость мужского оплодотворяющего и женского пло-

1. Терракотовая статуэтка.
Баку. I тыс.-летие до н.э.

доносящего начала, а также великие творческие потенции их соединения. К числу символов, о которых идет речь, относились раковины каури, по форме напоминавшие вульву и высоко ценившиеся в качестве жизнеутверждающего амулета. К их числу относились широко распространенные среди неолитических земледельцев керамические фигурки женщин с подчеркнутыми половыми признаками, а также, хотя и реже, фигурки женщин с младенцем на руках. Наконец, та же символика в обилии встречается в орнаментальной росписи сосудов, где можно увидеть множество овальных или треугольных изображений вульвы, схематические изображения оплодотворяющего землю дождя и т.п.

Культ плодородия, размножения, оплодотворения со временем нашел отражение и в мифологии: в преданиях все чаще стали встречаться могущественные божества, принимавшие мужское или женское обличье, вступавшие друг с другом в брачные связи, порой весьма сложные, с различными приключениями, обманами, перевоплощениями и т.п. Особенно щедро мифологические сюжеты описывают связь бога с женщиной: именно от этой воображаемой связи, корни представлений о которой восходят к тотемизму, рождались легендарные герои, оказывавшиеся затем первопредками или правителями той или иной этнической общности.

Наряду с наскальными рисунками, пещерными святилищами и захоронениями, женские фигурки являются важными источниками информации о духовном мире людей палеолита. Они подчеркивают благоговейный страх наших предков, как перед тайной жизни, так и перед тайной смерти. Они показывают, что еще на очень ранних этапах человеческой истории воля человека к жизни выражалась и утверждала себя в многообразии ритуалов и мифов, которые принято связывать со все еще распространенной верой в то, что мертвые могут вернуться к жизни через новое рождение.

Ритуалы должны были представлять собой организованную общиной попытку взять под контроль природные силы и процессы с помощью сверхъестественных средств ради всеобщего блага. Священная традиция, будь она связана с добычей пищи, тайной рождения и воспроизводства и смерти, возникала и действовала, по-видимому, в ответ на желание жить и сейчас, и в будущем.

Все эти пещерные святилища, фигурки, захоронения и церемонии связаны с верой в существование того единственного источника, из

2. Терракотовая статуэтка.
Шеки. Албанский период.

3. Каменная статуя.
Абшерон. Поздняя бронза.

которого возникает и человеческая жизнь, и жизнь животных и растений, – это Великая Богиня-Мать, или Вседающая, с которой мы встречаемся и в более поздние периоды истории цивилизации. Они также дают основание считать, что наши древние предки понимали: мы и окружающая нас Природа – это тесно связанные между собой части великой тайны жизни и смерти, и поэтому ко всей природе следует относиться с уважением. Это осознание, позднее подчеркивавшееся тем, что фигурки Богини помещались среди символизирующих природу животных, воды и деревьев, или тем, что Она Сама изображалась как получеловек-полуживотное, по-видимому, было центральным в утерянном нами духовном наследии. Таким же важным моментом был благоговейный страх и изумление перед великим чудом человеческого существования: чудом рождения, воплощенным в Женском теле.

Как писал в одном из важнейших современных трудов, посвященных искусству палеолита, Андре Леруа-Гуран, директор Центра доисторических и протоисторических исследований в Сорбонне, было бы «нелепо и недостаточно» сводить систему верований того периода к «примитивному культу плодородия». Мы можем «без преувеличения принять все изобразительное искусство палеолита в целом за

выражение взглядов на естественную и сверхъестественную организацию живого мира, – замечает Леруа-Гуран и продолжает, – люди времен палеолита, несомненно, знали о разделении мира животных и людей на две противостоящие половины и полагали, что миром живых существ правит союз этих половин» (44, 118-120).

Было бы естественно предположить, что внешний диморфизм, или различия во внешнем виде между двумя половинами человечества, значительно повлияли на систему верований палеолита. Столь же естественно и другое предположение: осознание того, что жизнь и человека, и животного возникает из тела особи женского пола; что Женский организм, подобно временам года и Луне, подчиняется цикличности, заставило наших предков воплотить Жизнетворящие Силы в Женском, а не мужском образе. Таким образом, палеолитические женские фигурки, раковины каури, красная охра – не разрозненные археологические объекты, а ранние проявления того, что позднее развилось в сложную религиозную систему, в центре которой – культ Богини Матери, Родоначальницы всего живого.

Изображения «венер» обильны, и в исторических слоях они найдены и в доарийской Индии, и в доизраильской Палестине, в Финикии, в Шумере, и конечно же, на всем Закавказье. Сходство их сразу бросается в глаза. Создаётся впечатление, что культ Матери носил почти универсальный характер. Это подтверждает и этнография. У народов, сохранивших пережитки отдалённых неолитических времён, практически повсеместно встречается культ всеобщей Матери (66, 196).

В Индии она известна под именами Шакти и Пракрити. В одном древнем индийском тексте она прямо связывается с ростом и рождением. А на одной печати из Хараппы (доарийский период) можно рассмотреть изображение женщины, из лона которой поднимается растение.

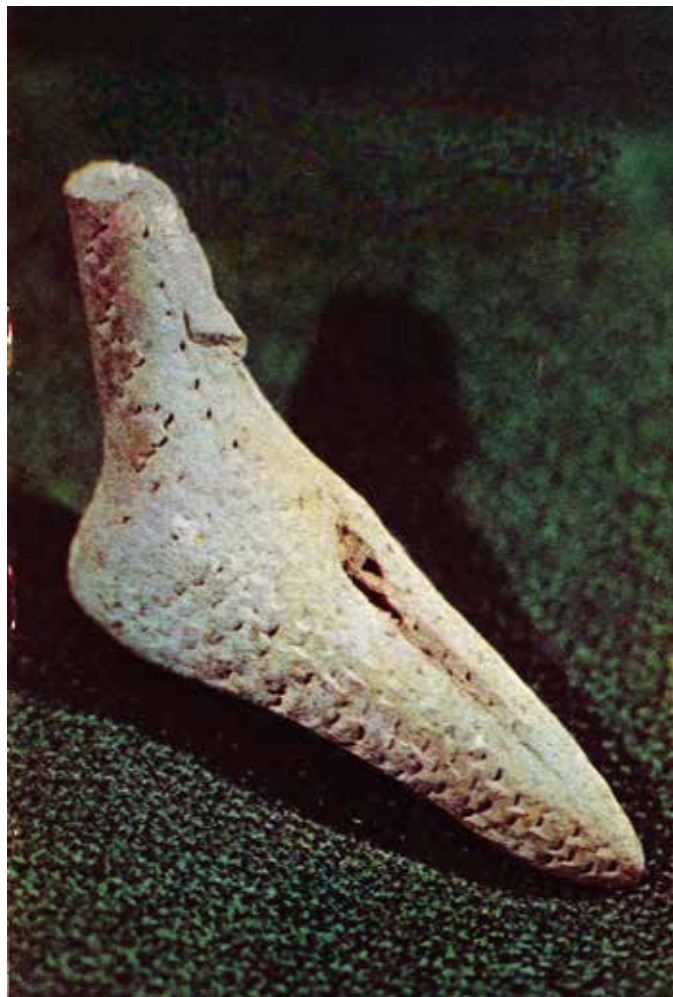
В Передней Азии и Африке Великая Богиня-Мать почиталась почти у всех культурных народов периода начала письменности. «Та, которая рождает плоды земли», – египетская Исида, малоазиатская Кибела, скорбь которой несёт умирание растительности, её двойник в Элладе – Деметра, карфагенская Танит, сидонская Астарта, Артемида Эфесская, изображавшаяся с десятком грудей, как бы готовая накормить весь мир, – всё это лишь перевоплощения древней Матери Мира (48, 245). В языческом Азербайджане слова «Мать-земля» имели не просто метафорическое значение. Они обозначали душу природы, богиню, супругу «Хозяина неба» (Тенгри).

Сложение женского образа верховного божества в идеологических представлениях наших языческих предков последовательно наблюдается с эпохи неолита (VIII-VI тыс. до н.э.) и просматривается на всех этапах их развития до утверждения монотеистических представлений о мире.

Богатый археологический материал, указывающий на наличие этого культа в доисторическом прошлом Азербайджана, оказал громадное воздействие на формирование традиций и стереотипов язычников, свидетельством чему служит огромное количество скульптур и изображений ВЕЛИКОЙ МАТЕРИ на культовых и бытовых предметах вплоть до раннего средневековья.

Религиозные представления общества влияют на его социальную жизнь. Образы божества и потустороннего мира неизбежно проецируются на повседневное существование человека. Мы можем говорить о том, что все, свойственное небесному, будет тождественно земному или стремится стать тако-

4. Терракотовая женская статуэтка. Шому-тепе. Газак. Энеолит.

5. Терракотовые женские статуэткы. Молла-Исаклы. Исмаиллы. I в. н.э.

вым. Следовательно, представление о Боге неизбежно формирует определенные стереотипы по отношению к самому обществу.

При более тщательном анализе патриархальных и матриархальных культур мы можем легко убедиться в этом. Речь идет об отличиях в отношениях к мужчинам и женщинам, о главенстве и приоритетах, роли и функций мужчины и женщины в традициях и культурах. Образ женского божества формирует иные традиции и иные отношения, нежели в том случае, когда главенствующей фигурой выступает Бог-мужчина.

Известно множество различных культур, в которых божества

предстают перед нами в женском облики. Для некоторых культур женское божество является приоритетным и выступает в роли верховного бога. Однако, часто женские божества представлены наравне с другими богами-мужчинами и не несут на себе каких-либо отличительных функций верховных божеств.

Наиболее ярким примером женского верховного божества является образ Богини-матери. Она является главным женским божеством во многих мифологиях мира. Как мы уже упоминали, верхнепалеолитические статуэткы женщин с подчеркнутыми половыми признаками – самые ранние свидетельства о существовании культа и почитании Богини-матери. Более поздние представления о Богине-матери связаны с представлениями об изначальной божественной паре, божества которой являлись прародителями вселенной и всех населяющих ее существ (44, 67).

Главной функцией Богини-матери являлась созидательная функция, которая включала в себя:

- участие в творении мира;
- участие в творении всех живых существ;
- покровительство плодородию;
- покровительство культуре, законам, тайным знаниям.

Известный антрополог Дж. Фрэзер, стоявший у истоков современного религиоведения, в своей работе «Золотая ветвь» говорит о принадлежности феномена наделения божества человеческими признаками раннему периоду истории религии: «Какой бы странной ни казалась идея бога, воплощенного в человеческом образе, для первобытного человека, видевшего в человекобоге или в богочеловеке всего лишь более высокую степень присутствия тех же самых сверхъестественных спо-

собностей, которые он без малейших угрызений совести дерзко присваивает себе, в ней не было ничего из ряда вон выходящего» (66, 117).

Опираясь на наблюдения Фрэзера мы можем говорить о том, что культ богини-матери есть следствие обожествления женщин.

По Фрэзеру воплощение богов в живых людей может быть:

1. временным, которое выражается вдохновением, одержимостью и проявляется в сверхъестественном знании (пророчествах, предсказаниях).

2. постоянным, выражающимся совершением чудес – как необычайно сильного проявления обычной способности.

Интересен момент передачи сакральных функций от женщин к мужчинам. Мирча Элиаде говорит о существовании мифических традиций, которые указывают на важную роль женщины в религиозной жизни в ранние времена (73. 191). Постепенно изначальная принадлежность тайных знаний и ритуалов женщинам посредством кражи переходит к мужской части населения. М. Элиаде подчеркивает важность принятия мифологическими женщинами последствий кражи и перехода сакральных сил в руки мужчин (73. 196).

Богиня-Мать правит всеми природными процессами. Это она заставляет оживать семя, погружённое в землю; она вселяет любовь в людей и животных, ей поют песни птицы в дни весеннего ухаживания. По её мановению распускаются цветы и наливаются плоды. Её радость – это радость всего живущего; её глаза смотрят на нас с небесной лазури, её рука нежно ласкает листву, она проносится над миром в дуновении весеннего ветра.

Теперь становится понятным тот факт, что в глубокой древности (у некоторых народов) жреческие функции принадлежали преимущественно женщинам. Так, у северных индейцев заклинания совершались женщинами. У некоторых индейцев существует сказание о том, что «обряды плодородия» были учреждены женщинами. По одному ирокезскому преданию, первая женщина, основательница земледелия, умирая, завещала протащить своё тело по земле, и там, где оно касалось почвы, вырастал обильный урожай. Шаманы и жрицы известны в наиболее примитивных культурах. Там, где это явление уже исчезло, можно найти следы его. Так, у чукчей и других северных народов шаман мужчина одевался в женскую одежду. А таинственные фрески острова Крит свидетельствуют о том, что в самые священные моменты мужчина должен был облачаться в женский костюм.

6. Терракотовая статуэтка.
Тепе Сараб. Южный
Азербайджан. Неолит.

7. Терракотовая статуэтка.
Мингячевир. I-II века н.э.

Да и кто как не женщина – живое воплощение мировой Матери – должна держать в руках тайны культа? Не носит ли она в своём теле тайну рождения? Главенство женщин в религии было у галлов, древних германцев и многих других народов. Культ плодородия, который стоял у истоков религии Диониса, также возглавлялся жрицами...

Многочисленные народные поверья о колдуньях, ворожеех и ведьмах есть лишь отголосок тех древних времён, когда жертвоприношения, заклятия и магия были в руках у женщин.

Вполне естественно, что при таком важном культовом значении женщин они часто оказывались в роли вождей и руководителей племени.

Все женские божественные лики – разновидность единой богини, и эта богиня – женское начало мира, один пол, возведённый в абсолют.

Богиня-Мать – всеобщая прародительница. Из её лона вышли растения, животные, люди. Поэтому в мышлении первобытного человека живёт чувство родства, которое связывает все живые существа (20, 117-123).

Наиболее ранняя каменная скульптура женщины обнаруженная в Азербайджане, датируется эпохой мезолита и обнаружена в Гобустане в поселении «Кенизе» (49, 41). Характер изображения этой скульптуры идентичен описанным выше палеолитическим «венерам». Отсутствие проработки головы и черт лица, преувеличенное изображение груди, живота и бедер указывают на универсальность идеологических «канонов», породивших схожие скульптурные образы по всему миру.

Гораздо большее количество женских статуэток относится к неолитической эпохе. Возникновение и развитие земледелия в конце мезолита и в неолите, сложение матриархальных основ первобытных обществ породили развитый культ Богини-матери, отразившийся в скульптурных образах.

Огромное количество неолитических фигурок женщин обнаружены в поселениях Шому-тепе, Гаргалар-тепеси (Газахский район), Иланлы-тепе (Гарабах), Тепе-Сараб (Южный Азербайджан) и др. Все эти фигурки небольших размеров, выполнены из обожженной глины и носят на себе следы обрядов, связанных с повышением плодородия. Свидетельством тому служит фигурка из Шому-тепе (Газах). На бедрах и животе этой фигурки имеются продавленные следы от зерен пшеницы. Нет никакого сомнения в том, что в момент изготовления фигурки ее обкатали в пшенице, чтобы увеличить ее плодоносящую силу.

Количество глиняных статуэток женщин в Азербайджане резко уменьшается в эпоху бронзы (III-II тыс.-летие до н.э.), что объясняется сменой матриархата патриархатом и возрастанием роли мужчины в обществе.

Последний всплеск в развитии женских статуэток в языческую эпоху приходится на Албанский период в истории Азербайджана (IV в. до н.э. – VII в. н.э.)

Глинянные женские статуэтки этого периода обнаружены в Молла-Исаклы (Исмаиллинский район), Чухур-Габала (Габалинский район) Хыныслы (Шамахинский район) и многих других поселениях языческой Албании.

Все перечисленные выше скульптурные изображения женщин позволяют реконструировать роль женских статуэток как божества, обеспечивавшего плодородие. Об этом говорят и места обнаружений этих глиняных статуэток, абсолютное большинство которых найдены у очагов и у входа в жилище.

Ни в одной из перечисленных статуэток не наблюдается эстетизации образа женщины. У них зачастую отсутствуют головы, черты лица, почти все они изображены без одежды, как подобает изображать богиню, а не земную женщину.

Сравнение типологических черт многих из этих статуэток говорит в пользу универсальности принципов формообразования при создании подобных статуэток, независимо от региона. Имеющиеся отличия скорее всего связаны с локальными стилистическими отличиями, проявляющимися в способах лепки, формовки или декорирования статуэток. Примером чему может служить идентичность статуэток из Южного Азербайджана (Тепе-Сараб), Сирии и Туркмении.

Легко просматриваемые аналогии азербайджанских статуэток наблюдаются не только с древне-восточными цивилизациями, но и с более северными, как например, Украина, (Триполье), что позволяет высказать мысль о древнейшей этнокультурной общности населения юга Украины (Триполье), черноморского бассейна (Анатолия) и Южного Кавказа. Неолитические статуэтки, обнаруженные в этих регионах имеют поразительные сходства как по сути, так и по форме.

В отличие от палеолитических и мезолитических скульптур, чаще изготовленных из камня, в глиняных скульптурах неолитической эпохи появляется татуировка, покрывающая в основном части тела, связанные с деторождением и указывающие на выполнение магических обрядов, связанных с деторождением и плодородием.

В Албанский период (IV в. до н.э. – VII в.) татуировка сменяется апотропическими налепами, символизирующими обильность женского семени и защиту детородных органов и органов вскармливания (пах, живот, груди).

Подводя итоги раздела, можно с уверенностью констатировать что образ богини-матери имел универсальный характер для всех древних цивилизаций. Что касается их пластических характеристик, очевидно, что они имели локальные черты, продиктованные особенностями идеологических канонов и способов лепки и декорирования статуэток.

КУЛЬТ ОТЦОВ (ПРЕДКОВ) – ПОКРОВИТЕЛЕЙ РОДА

Одним из наиболее ярко выраженных анимистических культов является сохранившийся у многих народов мира до наших дней культ предков (почитание душ умерших родственников). Духам предков в древнем Азербайджане всегда оказывали определённые почести и внимание, периодически совершали жертвоприношения, при этом всегда присутствовала вера в их постоянное покровительство.

Формы проявления культа предков очень разнообразны. По-разному совершается погребальный обряд. Тела умерших зарывают в землю, кремируют и т.д. Мифология тюркских народов изобилует сюжетами, связанными с представлениями о природе смерти, о взаимоотношениях духов умерших предков с живыми людьми.

Так, тюркские народы считают, что душа, навсегда покинувшая тело человека, несколько дней бродит вокруг родного селения, заходит в свой дом и наблюдает за исполнением погребальных обрядов. Если дух умершего удовлетворён жертвоприношениями и поведением участников обрядов, он впоследствии будет оказывать помощь и покровительство родственникам, если нет, то наслет бедствия и болезни. Затем, переселившись в подземный мир, духи ведут образ жизни, мало отличающийся от земного. Они живут в домах, пользуются той же утварью, оружием, носят украшения, едят, пьют, спят, ссорятся. Присутствие в древнем могильном инвентаре языческих захоронений Азербайджана предметов быта подтверждает высказанную мысль. Время от времени духи напоминают о себе и об обязанностях живых заботиться о них, являясь им во сне или вызывая болезни.

Согласно древнетюркским представлениям, сын получает от отца, а потомки от предков вообще особого рода жизненную силу. Совершение ритуала почитания предков с предельной силой искренности, с чувством их реального присутствия на ритуале как бы стимулировало, питало эту жизненную силу, что способствовало как нравственному, так и физическому процветанию благочестивого потомка.

Как на индоевропейском, так и на тюрко-монгольском этапах развития культур Закавказья в их культовой практике преобладали два основных направления: первое – погребальные и поминальные ритуалы, которые можно несколько условно объединить понятием «культ предков»; второе – культы почитания природных духов, сил и стихий. Целенаправленные исследования степных археологических памятников, оставленных в результате совершения этих ритуалов, только начинаются. Оба эти направления развития культа сопровождались созданием и установкой каменных скульптурных образов, являвшихся доминантой культового места и олицетворением материализованного предка, создателя и защитника рода (демиург).

Даже само выявление их в массиве всей степной культуры (которая была распространена и на обширных степях Азербайджана) представляет собой весьма неординарную задачу. Находки этих памятников, как правило, немногочисленны, вследствие длительной борьбы с ними распространившегося впоследствии Ислама, а полученные материалы с трудом поддаются однозначной трактовке. Однако они являются единственными надежными свидетельствами древних обрядов и позволяют заглянуть в прошлое за ту грань, после которой известны письменные источники. Кроме того, встроенные в ландшафт языческие памятники древней скульптуры вливаются в символическую структуру пространства современной степи.

В представлении наших предков особое место занимала реинкарнация (перевоплощение), основанная на представлениях об особой жизненной силе, существующей раздельно с человеком. Один и тот же физический облик принадлежит и живому человеку, действующему, двигающемуся, думающему, и мертвому, труп, внешне напоминающему живого, но неподвижному, бесчувственному, ибо жизненная сила («душа») отделилась от него куда-то. Когда человек умирал, по представлениям древних тюрков, душа его или дух, уходила из тела, как «дым». Судьба этих духов, по представлению древних, различна. Часть из них остается на земле, творя добро и зло, другая часть отправляется на небо, продолжая влиять на жизнь потомков. Считалось также, что души умерших ищут себе пристанище в животных, предметах, поэтому многие лечебные приемы связывали с животными: при головной боли сажали на лоб щенка, при лихорадке привязывали рядом козу и т.д.

Как известно, на особенности культа предков носителей степной культуры (тюрки Евразии) оказали немалое воздействие культурные контакты с Дальним Востоком, в частности с китайской культурой. В этой связи достаточно интересны рассуждения некоторых конфуцианцев о природе культа предков.

Как известно, Конфуций, сохранив и возвеличив архаический культ предков, наполнил его принципиально этическим содержанием. Мы не знаем, верили ли сам Конфуций в бессмертие духов предков или нет. Он и его ученики воздерживались от суждений по этому поводу. «Не знаем, что такое жизнь, откуда же

8. Каменная курганная статуя. Абшерон. Поздняя бронза.

нам знать, что такое смерть», – говорили они. Во всяком случае, посмертная участь предков явно относилась к области того, о чем Учитель не говорил (цзы бу юэ). Вместе с тем почитание предков предписывалось любому из его последователей. Зачем? Во-первых, для нравственного совершенствования и развития весьма ценившихся восточной этикой семейно-клановых добродетелей типа сыновней почтительности (сяо). Но не только. Согласно конфуцианским представлениям, сын получает от отца (и потомки от предков вообще) ци (жизненную силу) особого рода. Совершение ритуала почитания предков с предельной силой искренности (чэн), с чувством их реального присутствия на ритуале (жу цзаи) как бы стимулировало, питало (ян) эту жизненную силу, что способствовало как нравственному, так и физическому процветанию благочестивого потомка. А концепции такого рода уже достаточно близки обоснованию существования тех или иных культов через трансперсональные переживания. Нет никакого сомнения в том, что у тюркских народов мы встречаемся с аналогичным отношением к предкам.

Ритуал (культовая практика) в традиционных культурах является формой практической реализации экзистенциального восприятия мира, он представляет собой основную форму человеческой деятельности по воплощению в феноменальной реальности этого мировосприятия. При этом культовая практика играет ключевую роль в функционировании системы традиционной культуры, поскольку в ней выражается символическое преодоление предельных для человеческого сознания противоположностей. Только в ритуале достигается переживание целостности бытия и целостности знания о нем, понимаемое как благо и отсылающее к идее сакрального как носителя этого блага. Это переживание сущего во всей его интенсивности, особой жизненной полноте дает человеку ощущение собственной укорененности в данном универсуме, сознание вовлеченности в сферу закономерного, управляемого определенным порядком, благого (64, 17).

Архаический ритуал связанный с почитанием предков, предполагал участие всех членов коллектива, причем не только и не столько как зрителей, но и как участников. При этом, он не предполагал, как это произошло позднее, жесткой институционализации ритуальной деятельности. Язык вещей использовался в ритуале, главным образом, для выражения тех идей, понятий, ценностей, которые не могли быть выражены столь же адекватно на других языках, в том числе и с помощью слов (23, 83). Композиционный и семантический смысл ритуала составляет жертва, это его главный, тайный нерв. В любом ритуале явно или тайно содержится отчетливая искупительная нота (64, 38). При этом, основную роль в ритуале играет символическое значение жертвы. Поэтому жертвоприношением в рамках ритуала является не только ритуальное убийство животного или человека, не только приношение специальных предметов или субстанций. Строительство ритуального сооружения – это тоже жертва, в которой реализуется ритуал. Создаваемые в ходе ритуальной деятельности и для совершения ритуалов культовые памят-

ники (святилища, идолы) были, с одной стороны, условием совершения ритуала, с другой – его содержанием.

Архаические культовые памятники, обращенные к почитанию природных сил и стихий, существенно отличались от стадияльно более поздних алтарей и храмов формализованных, институционализированных религий. Для стадияльно раннего, архаического язычества – системы восприятия и почитания природных сил – было характерно отправление культовой практики вне специально организованного пространства, на открытых местах, связанных с наиболее яркими природными объектами, как например, горы (60, 19).

Воздвигаемые при этом сооружения – святилища, каменные идолы – были максимально лаконичными и хорошо вписывались в природную систему ландшафтов, выявляя собой экзистенциально воспринимаемую структуру мира и становясь узловыми объектами этой структуры.

В языческих культурах для расположения культовых мест, связанных с почитанием предков, выбирались наиболее яркие, сакрально значимые объекты реального ландшафта. Эти места реализации культовой практики были связаны, прежде всего, с действительными объектами окружающего человека мира, который воспринимался как живой, постоянно действующий, наполненный многими смыслами.

Наиболее ранние из этих памятников (неолит и эпоха бронзы) представляли собой культовые столбы, которые по мере приближения к скифской эпохе постепенно приобретали антропоморфные черты, более соотносимые с образом предка – человека.

В степях центральной Азии наиболее яркими свидетельствами проведения культовой практики, связанной с почитанием предков, являются скульптурные изваяния, демонстрирующие оба этих этапа развития пластики культа предков. Причём ряд

9. Каменная статуя.
Абшерон. Эпоха железа.

авторов считает, что эти каменные изваяния являлись объектом почитания мертвых предков. Они изображали конкретного погребенного и были исключительно мужскими. С продвижением на Запад (в том числе на Кавказ) статуи все больше связываются с представлениями о сакрализованном или героизированном предке вообще, абстрактном родоначальнике, обожествленном мифическом предке (71, 82).

О характере подобных ритуалов, совершаемых перед статуями, можно судить по имеющимся свидетельствам о принесении в жертву различных животных перед статуей. Об этом говорят обнаруженные перед статуей остатки жертвоприношений – коня, быка, баранов, собаки (67, 191-192).

В западнотюркских степях (кыпчаки) каменное изваяние почиталось более широким кругом кочевников. По мнению Федорова-Давыдова, в этом обычае сохранился значительный компонент культа предков, но не реального, всем известного, недавно умершего человека, а героизированного и мифического родоначальника. То есть в какой-то степени каменное изваяние становится объектом широкого и постоянного племенного или родового культа – культа родоначальника. Это подчеркивает и великий азербайджанский поэт Низами, говоря о всеобщности поклонения каменной статуе.

Художественная метаморфоза, которую претерпели эти каменные изваяния, попавшие на запад кыпчакских степей, связана именно с изменением их семантики. Двойник умершего уступил место образу божества. В соответствии с этим, плоский каменный столб с нацарапанными на нем линиями лица, рук и т.п. сменился художественным скульптурным образом, в котором мы находим стремление воплотить образ человека не в схематических знаках, а в пластически выразительных формах. Каменное изваяние условного «заместителя» умершего человека превращается в род идола, который требовал определенного художественного эффекта и пластических средств для передачи своей сущности.

Очевидно, в статуях с функцией общественного идола, предмета общественного поклонения, это конкретное бытие символа – заместителя покойника, уступает место художественному образу, у которого иные задачи – эмоционально-идеологически воздействовать на зрителя. Эту задачу могло уже выполнить только искусство, в собственном смысле этого слова, с набором мощных пластических средств.

Среди памятников, связываемых с культом предков, особое место занимают каменные изваяния, известные также в археологической и искусствоведческой литературе под неточным, но традиционным названием «каменные бабы». Благодаря усилиям известных тюркологов многочисленные разновременные виды каменных изваяний теперь подразделяются на несколько культурно-хронологических групп. Это изваяния эпохи бронзы, изваяния скифского времени, древнетюркские изваяния и кыпчакско-половецкие изваяния южнорусских степей.

Одной из крупнейших групп являются древнетюркские изваяния (VI-IX вв.), в огромном числе распространенные на обширных горно-

степных пространствах Кавказа, Центральной и Средней Азии, включающих территории современной Монголии, Тувы, Алтая, Синьцзяна (Китай), Казахстана и Киргизии.

Многие из этих каменных изваяний долгое время считались надгробными статуями. Однако специальные археологические исследования установили, что нет прямой связи между людьми, погребенными в курганах или могилах, и стоящими на них изваяниями, которые являются более поздними сооружениями. Было доказано, что это относится ко всей заселенной тюрками степи, где был обычай сооружать каменные статуи. Изваяния ставились не на могилах, а отдельно (68, 91).

Раннесредневековые каменные изваяния Южного Кавказа (Агдам, Тертер, Шамаха) изображают, как правило, стоящих мужчин с руками, сложенными в молитвенной позе. Лишь одна, Шамахинская статуя изображает мужчину, держащего в правой руке сосуд.

Средневековые изваяния Центральной Азии, в основном, изображают сидящих мужчин монголоидного облика с широкоскулым лицом, раскосыми глазами, очень часто с усами и бородой. На отдельных изваяниях изображены вдетые в уши серьги, на шее гладкие гривны и ожерелья. На многих изваяниях показана одежда: разнотипные головные уборы, халаты и кафтаны с отворотами на груди, узкими или широкими рукавами с манжетами. На узком поясе, набранном различными по форме бляшками, подвешены кинжал и сабля в ножнах, а также сумка, точило и другие предметы. Почти все изваяния держат в правой руке сосуд, левая, как правило, изображена лежащей на поясе или оружии.

Большое число каменных изваяний, открытых на степных просторах, свидетельствуют об их широко налаженном производстве. При этом более половины средне-азиатских (и почти все азербайджанские) выполнены на специально подобранных каменных блоках, уже внешне напоминающих очертания человеческой фигуры. Такие антропоморфные блоки для большого сходства подтесывались, их грани округлялись отбивкой и последующей шлифовкой. Очень часто и удачно использовались скатанные валуны удлиненных форм, как это видно по статуе из Абшерона (село Тюркан).

На гладкой поверхности таких камней, как правило, точечной техникой отбивания наносились только самые общие контуры фигуры. Мастерских, как таковых, видимо, не было, но зато до сих пор на Кавказе и Алтае имеется масса каменных карьеров, созданных самой природой. Десятками и даже сотнями в разломах лежат каменные блоки и плиты правильной прямоугольной формы. Они-то, в основном, и использовались для изготовления изваяний.

Технические приемы ваяния и применяемые инструменты в целом, вероятно, были одинаковыми у мастеров Кавказа, Алтая, Тувы, Монголии и Семиречья, так как каменные изваяния – памятники единого круга средневековых кочевников. К тому же это памятники культового характера, где канонизировались не только иконографические черты древнетюркских изваяний, но оставались консервативными и основ-

ные технические приемы. Это достаточно хорошо видно, если сравнить каменные изваяния из различных отдаленных друг от друга регионов Центральной и Средней Азии, а также – Южного Кавказа.

Использование этих идолов в ритуалах, посвященных почитанию предков, зафиксировано в ряде источников, среди которых наиболее аутентичным может считаться синхронный источник раннего средневековья – «История Агван» Моисея Каланкатуйского (50).

Сравнительный анализ каменных статуй, отражающих культ предков на обширных просторах Азии и Кавказа, говорит о единых идеологических корнях носителей степной культуры. Семантическое родство этих изваяний сопровождалось развитием стилистических особенностей, в которых отражались этнокультурные черты, восходящие от каменных столбов до антропоморфных обликов, отражающих этнические типы внешности.

СКУЛЬПТУРА ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДОВ

Ритуал (культовая практика) в традиционных культурах является формой практической реализации экзистенциального восприятия мира. Он представляет собой основную форму человеческой деятельности по воплощению в феноменальной реальности этого мировосприятия. При этом культовая практика играет ключевую роль в функционировании системы традиционной культуры, поскольку в ней выражается символическое преодоление предельных для человеческого сознания противоположностей. Только в ритуале достигается переживание целостности бытия и целостности знания о нем, понимаемое как благо и отсылающее к идее сакрального как носителя этого блага. Это переживание сущего во всей его интенсивности, особой жизненной полноте дает человеку ощущение собственной укорененности в данном универсуме, сознание вовлеченности в сферу закономерного, управляемого определенным порядком, благого (64, 17).

Согласно П.А.Флоренскому, изначально вся деятельность человека была пронизана смыслом, была ритуальной («феургической», терминология автора). Когда же единство человеческой деятельности стало распадаться, феургия сузилась только до обрядовых действий. «И тогда деятельности обратились от Реальности и Смысла – к реальностям и смыслам... Все стало подобным истине, перестав быть причастным Истине, перестав быть Истиною и во Истине. Короче – все стало светским...» (64, 55). Ритуал является первичной, исходной, наиболее онтологически наполненной формой человеческой деятельности. Как было убедительно показано в работах А.К.Байбурина, «есть все основания полагать, что именно ритуал породил технологию, а не технология сопровождалась ритуальными действиями» (23, 68).

О характере погребальных обычаев древних и раннесредневековых тюркских племен имеется большое количество упоминаний, порою противоречащих друг другу.

Самые ранние письменные свидетельства о тюркских погребальных обычаях дали нам китайцы. В китайской хронике «Таншу» так описывается древнетюркский погребальный обряд: «В здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений, в которых он находился в продолжение жизни. Обыкновенно, если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи» (26. 179).

Благодаря многолетним трудам ряда археологов древнетюркские погребения были найдены; найдены и их эпитафии. Содержание их полностью подтвердило китайские известия. Теперь мы знаем достаточно хорошо, что представляют собой вереницы камней у могил орхонских тюрок. Они грубо отделаны, а зачастую представляют собой простые камни. Это балбалы – изображения убитых врагов. Хорошо отделанные же каменные изваяния изображали умершего, его родственников или просто близких людей.

Балбалы и каменные изваяния кроме Монголии, известны на Алтае, в Туве и Казахстане, Кавказе (33, 86). Там они связаны с каменными оградками, являющимися культовыми местами. У восточной стены оградки стоит каменное изваяние лицом на восток; иногда так же, как у могил орхонских тюрок, идут ряды простых камней – балбалов на восток от оградок. В то же время каменные изваяния, представляющие скульптурные портреты умерших, тщательно и искусно отделаны.

Внутри оградок ни разу не встретилось даже следов человеческого погребения. Находили только круглые ямы, заполненные крупными камнями, пересыпанными землей, углем, золой, а ближе ко дну встречались остатки гнилого дерева. В ямах находили также кости животных. То же самое встречалось на всей площади оградок. Подобные оградки, как и упоминаемые в «Таншу» здания при могиле умерших тюрок, служили местом поминания умерших. Найденные в них кости, вещи, зола и пр. являются остатками поминальных приношений. Около оградок находятся одновременные с ними курганы с погребениями тюрок VII-IX вв.

10. Каменная статуя.
Агдам. Албанский период.

Между древними тюрками на Орхоне, Алтае, в Туве и Казахстане, с одной стороны, и тюркоязычными племенами X-XIV вв. в Восточной Европе, с другой, лежит длительная историческая эпоха. Естественно, что за это время древнетюркский обряд претерпел некоторые изменения, но он все-таки сохранился в главных чертах. Особенно это относится к половцам. Сложный погребальный комплекс половцев в общих чертах сходен с таковым у древних тюрков.

Для характеристики погребальных обычаев у тюркоязычных племен X-XIV вв. большой материал дают сочинения Ибн-Фадлана, Г.Рубрука, Плано Карпини и других современников. Они в некотором смысле дополняют и уточняют описание погребальных обычаев у древних тюрков.

Рубрук сумел сделать очень интересные этнографические наблюдения среди татаро-монголов и тюркоязычных племен, хотя и не знал их языков. Он дает им различные этнические характеристики.

Представляет интерес описание погребального обряда у команов, их могил-курганов, каменных изваяний и других наземных сооружений, которые он видел на своем пути в Каракорум: «Команы насыпают небольшой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке перед пупом чашу. Они строят также для богачей пирамиды, т.е. остроконечные домики, и кое-где я видел большие башни из кирпичей, кое-где каменные дома, хотя камней там и не находится. Я видел одного недавно умершего, около которого они повесили на высоких жердях 16 шкур лошадей по 4 с каждой стороны мира, и они поставили перед ним для питья кумыс, для еды мясо, хотя говорили про него, что он был христианин. Я видел другие погребения в направлении к востоку, а именно – большие площади, вымощенные камнями, одни круглые, другие четырехугольные, а затем четыре длинных камня, воздвигнутых с 4 сторон мира по ту сторону площади. (16, 102-103). Архаический ритуал (по крайней мере, основной для данной традиции) предполагает участие всех членов коллектива, причем не только и не столько как зрителей, но и как участников.

К мегалитическим памятникам степного Закавказья относятся одиночные менгиры, аллеи и комплексы менгиров. В результате работ последних лет археологам удалось выявить более тридцати памятников данных типов. Как правило, они расположены в непосредственной близости от поселений, реже – у могильников эпохи поздней бронзы.

Одиночные менгиры степного Кавказа располагаются у тылового шва надпойменных террас, либо в нижней части возвышенности коренного берега. Эту же позицию занимает большинство комплексов менгиров. Аллеи менгиров во многих случаях находятся топографически значительно выше, на склонах холмов. Подавляющее большинство одиночных менгиров и их комплексов установлены в непосредственной близости от поселений эпохи поздней бронзы.

Расстояние от менгира до ближайших жилищных впадин в большинстве случаев составляет от 40 до 80 м. Максимальная зафиксированная высота над современной поверхностью у одиночного менгира со

стандартным топографическим положением – 1,9 м, максимальная общая высота – 3,15 м.

Аллеи менгиров всегда вытянуты в направлении запад–восток с небольшими отклонениями и представляют собой один ряд вертикально установленных камней, большинство которых к настоящему времени упали, либо были сломаны. Поэтому корректная реконструкция структуры аллеи возможна только после ее раскопок. Большинство одиночных менгиров возвышается над поверхностью земли на высоту около 1 м. В аллеях фиксируются менгиры высотой до 1,5 м над уровнем земной поверхности. Можно предположить связь аллей менгиров с культом почитания степных духов. В пользу этой интерпретации свидетельствует часто встречающееся расположение аллей менгиров в зоне прямой видимости, как правило, к югу от наиболее заметной вершины округи.

Одиночные менгиры и комплексы менгиров устанавливались в эпоху поздней бронзы индоевропейским населением степей рядом с долговременными поселками. Во всех случаях они стояли в некотором отдалении от жилищ и гипсометрически несколько выше их. Менгир маркировал границу между степью и площадкой человеческого поселения. Анализ топографии данных памятников показывает, что все они установлены на тех направлениях, с которых наиболее удобен подъезд к поселению. Это позволяет предположить, что менгиры стояли у ведущих к поселениям дорог. Такое расположение их наиболее оправдано, поскольку именно дорога является связующим элементом между поселком и окружающим пространством, который и должен быть маркирован пограничным знаком.

Символика менгира может быть интерпретирована как бинарная, охватывающая противопоставление освоенного и неосвоенного пространства. Со стороны степи расположенный несколько выше поселка и издали видимый менгир выступал как символ человеческого жилья, знак начала антропогенного пространства. Со стороны поселка он же – знак открывающейся за ним степной стихии. Именно стихийным аспектом символики менгиров объясняется, вероятно, отсутствие следов обработки на этих камнях. Пограничное расположение менгира между человеческим жильем и окружающим его миром выводит нас на его символическое

11. Каменная статуя.
Хыныслы. Шамаха. III-V века.

значение как стража, замыкающего границу и оберегающего жилье. Страж границы и должен стоять у дороги, символизировавшей связь между мирами.

В этой связи представляет интерес проблема интерпретации так называемых тюркских балбалов, обнаруживаемых в местах поселений наших языческих предков и широко распространенных от Черного моря до Алтайских степей.

Во-первых, следует признать, что неотъемлемой деталью почти всех поминальных сооружений древних тюрков являются ряды каменных столбиков (оградки), которые и известны как тюркские балбалы. Эти широко известные повсему древнетюркскому миру балбалы до сего дня остаются предметом научной полемики, хотя существенным сдвигом в этом вопросе можно считать утвердившееся мнение о толковании самого термина «балбал» (искаженное от древнетюркского «баба» – отец, предок).

В результате последних исследований известных археологов Л.Р. Кызласова, Я.А.Шера и С.Г.Кляшторного подведена черта под длительной дискуссией о том, что следует подразумевать под словом «балбал». Как известно, ранее в научной литературе так называли и сами каменные изваяния. В настоящее время это название закрепилось только за рядами каменных столбиков, отходящих на восток от поминальных сооружений. Все предыдущие исследователи (начиная от Геродота) единодушны в том, что тюрки ставили каменные столбики – балбалы у поминальных сооружений своих воинов по числу врагов, убитых самим погребенным. Такой вывод основывается и на сведениях китайских официальных хроник, описывающих погребальный обряд тюрков-тугю: «обыкновенно, если он убил одного человека, то ставят один камень, у иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи». Действительно, десятки, а иногда и сотни балбалов насчитывают ряды древнетюркских поминальных сооружений (42, 206-209).

Установка большого числа балбалов почти у всех мемориальных комплексов древнетюркской аристократии вызывает естественное недоумение многих исследователей. Трудно представить, что тюркские каганы или их военачальники при жизни могли убить сотни вражеских воинов. Да и на Алтае у тысяч оградок всегда имеются ряды балбалов. Невольно задаешься вопросом, неужели все они были сооружены только в честь тюркских воинов? К объяснению обычая установки балбалов, как нам кажется, следует привлечь не только письменные источники, но в большей мере и фактический археолого-этнографический материал.

Сама традиция установки камней в ряды на Алтае, да и во всей тюркской ойкумене, очень древняя. Отличающаяся редкостным образом, эта незатейливая архитектурная тема воплощена во многих, различных по времени и по назначению культовых сооружениях. Наиболее близки по смыслу и, вероятно, по назначению древнетюркским балбалам ряды каменных стел, установленных также с восточной стороны многих степных курганов ранних кочевников. Характерной особенно-

стью языческих могильников этой эпохи является расположение так называемыми курганными цепочками, направленными с севера на юг.

Совершенно такой же принцип планировки, ориентации соблюден при установке целых групп языческих оградок древнетюркского времени. Они, как и курганы ранних кочевников, копировали порядок расположения жилищ в небольших сезонных поселках, что особенно четко проявляется в ориентации памятников на местности. Появление таких погребально-поминальных комплексов, как особой территории, предназначенной для неоднократных погребений и поминок, является ярким выражением этнической общности, семейного родства и идеи дальнейшего существования в потустороннем мире.

Назначение балбалов у курганов ранних кочевников неизвестно. Но заслуживает внимания предположение, высказанное известным археологом С.И.Руденко. Он считал, что число поставленных у могил камней прямо соответствует числу лиц или сородичей, принимавших участие в похоронах и поминках. Развивая эту мысль, он полагал, что ряды балбалов могли стоять и у могил женщин и детей, а потому их нельзя связывать с числом убитых врагов. Последний вывод подтвердился исследованиями последних лет.

Каково же назначение скифских балбалов у алтайских и иных степных курганов? Мы склонны считать их символическими коновязными столбами – неотъемлемой частью любого жилища кочевника. О значительной древности обычая установки коновязей у могил свидетельствует и сообщение Геродота. Археологические раскопки полностью подтвердили эти сведения. Остатки многочисленных коновязных столбов были обнаружены при исследованиях Елизаветинских и Ульских курганов на Кубани. Идентичные балбалы обнаружены и в степной зоне Азербайджана.

На Алтае функции коновязей, очевидно, выполняли такие же каменные столбы, называемые балбалами. Наше предположение основано на удивительном сходстве расположения балбалов у алтайских курганов и оградок с порядком расположения коновязей у реального жилища кочевника. Ряд коновязных столбов обычно ставили у жилища кочевника на стороне, обращенной к востоку или югу. То же самое наблюдается и в установке балбалов. У якутов первый столб предназначен был для коня почетного гостя и назывался главным («тойон сэргэ» – господин столб); второй столб предназначался гостю среднего достатка («орт сэргэ» – средний столб); третий – лицу победнее («кэлин сэргэ» – задний

12. Каменный балбал.
Абшерон. Тюркан.
Эпоха бронзы.

столб). Самый дальний столб называли «атах сэргэ». У многих алтайских курганов скифского времени, да и у древнетюркских оградок один или два-три ближайших камня, как правило, также выделяются среди остальных своими большими размерами. Богатые якуты иногда ставили в ряд до девяти коновязей.

Итак, более состоятельные кочевники ставили несколько коновязных столбов, бедные довольствовались чаще всего одной коновязью. Подобная социальная дифференциация может быть прослежена и в конструкции древних погребально-поминальных сооружений и в числе балбалов у них. У огромных по размерам курганов древнеалтайской знати число балбалов-коновязей во много раз превышает число таких же балбалов, установленных у малых курганов рядовых кочевников. Сходная картина наблюдается, если сравнить балбалы у поминальных храмов знати и у обычных оградок. Не случайно и название коновязных столбов совпадает у многих кочевых народов. У якутов, бурят и монголов они имеют общее название «сэргэ». Для нас наиболее интересно второе значение слова «сэргэ» (якутское «сэргэ» – ряд; бурятское «зэргэ» – ряд, азербайджанское «джерге» – ряд; монгольское «эргэ» – ряд, порядок; тюркское «арга» – круг, ряд), несомненно восходящее к древнетюркской эпохе.

Таким образом, балбалы можно считать коновязными столбами, которые предназначались для лошадей, на которых приезжали родственники и гости, принимавшие участие в погребально-поминальном обряде. Видимо, балбал-коновязь являлся также в большей степени своеобразным знаком присутствия (внимания) определенного человека на поминках по умершему. Этим, на наш взгляд, можно объяснить личные тамги и надписи-автографы, обнаруженные на балбалах, установленных у поминальных храмов древнетюркских каганов. Иначе говоря, каждый участник погребально-поминальной церемонии оставлял перед храмом свой балбал, чтобы душа умершего могла видеть его в ряду других подобных знаков внимания (43, 46-52).

Значительное число исследователей, опираясь на большой фактический материал, пришли к выводу о жертвенном характере древнетюркских оградок, в которых совершались ритуалы, связанные с поминками – кормлением и проводами души (духа) умершего в иной потусторонний мир (41, 162-187). Каменные оградки, обнаруженные в степях Азербайджана, представляют собой оба основных типа – как круглые, так и квадратной формы. Круглые оградки генетически восходят к курганной культуре, широко представленной на Абшероне и в Мильской степи. Квадратные же восходят к могильным сооружениям типа «каменный ящик», также широко распространенным на территории Азербайджана.

Пластические характеристики балбалов изначально находились в зачаточном состоянии, идеологически отражая суть обряда поминания. Скульптурная идея в них выражалась имплицитно, не доходя до уровня эксплицитно выраженной антропоморфно пластической моделировки.

**ТОТЕМИСТИЧЕСКИЕ КУЛЬТЫ И
ИХ ОТРАЖЕНИЕ В СКУЛЬПТУРЕ**

Тотемистические верования, или тотемизм – вера в то, что определенные виды животных, растений, некоторые материальные предметы, а также явления природы являются предками, родоначальниками, покровителями конкретных родовых коллективов. Вера в изначальную мистическую связь рода с некоторыми животными просматривается у всех тюркских народов, в том числе у языческих предков азербайджанцев. Такие верования названы в науке тотемизмом, от слов «тотем», «о-тотем» – «его род», взятых из языка одного из племен североамериканских индейцев.

Тотемистические животные и растения, реальные и материальные предметы и фантастический элемент верований состоит здесь в представлении о родстве, якобы существующем между данным животным (растением) и человеческой группой, а также в вере во взаимную магическую связь человека с его тотемом. Однако тотем – не единственный объект тотемистических верований. Важнейшая идеологическая роль веры в тотемистических предках и мифов о них заключается в том, что в них как бы олицетворена связь родовой общины с территорией. Мифы о тотемических предках привязаны к отдельным частям географического ландшафта. Тотемистические предки выполняют также функции «культурных героев». Следы и пережитки тотемизма обнаруживаются в разной степени в современных религиях и сохранились как элементы в этнических культурах многих народов.

Большинство религиоведов склонны рассматривать тотемизм в качестве одной из наиболее ранних форм религии, как в силу его значительной примитивности, так и потому, что он составляет основу религиозных представлений почти всех тюркских народов. В религиоведении, культурологии

13. Терракотовая фигурка быка. Кюльтепе. Энеолит.

14. Терракотовая фигурка быка. Гейтепе. Южный Азербайджан. Энеолит.

15. Бронзовая фигурка оленя. Мингачевир. II тыс.-летие до н.э.

и искусствоведении тотемизм очень знаменит благодаря двум чрезвычайно несходным сочинениям – работе З.Фрейда «Тотем и табу» (1912 г.) и исследованию Э.Дюркгейма и М.Мосса «О некоторых начальных формах классификации: к изучению коллективных представлений» (1903 г.), явившемуся классическим образцом социологического подхода в религиоведении.

Обычно под тотемизмом понимаются представления, предполагающие наличие коллективного родства между группой (например, племенной) людей и определенным видом животных или растений (иногда – неодушевленных предметов – горы, реки, моря и т.д.).

Тотем (например, тотемное животное) рассматривается как предок данной группы и объект поклонения. Как правило, тотем воспрещается убивать и употреблять в пищу, хотя отдельные ритуалы, напротив, предполагают убийство тотема и его культовое поедание, укрепляющее родственные узы через вторичное приобщение к тотему.

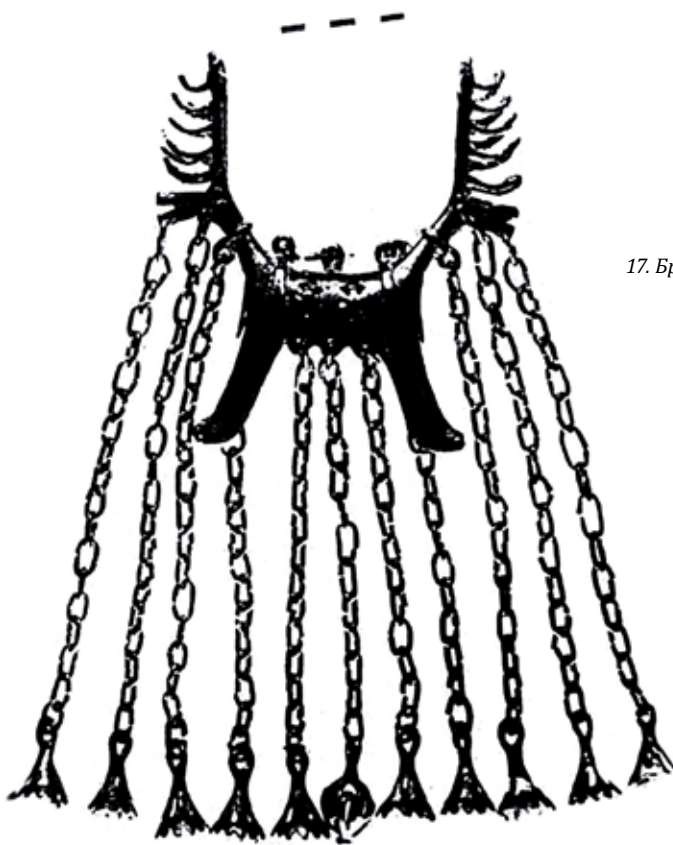
Социологическая школа в культурологии считает, что религиозные идеи (особенно в ранних обществах) непосредственно задаются организацией общества (разделение его на группы или классы проецируется в область идей). Она склонна рассматривать тотемизм как проекцию архаической структуры общества, разделенного на отдельные группы, которые возводятся к различным тотемным предкам (тотемные группы). Однако,

16. Бронзовые фигурки
птиц. Мингячевир.
II тыс.-летие до н.э.

как справедливо показал М.Элиаде (74. 200), наличие параллелизма между структурами общества и вселенной на самом деле говорит лишь о наличии единого принципа структурирования, имманентного мифологическому (архаическому) мышлению, а отнюдь не социальную обусловленность этого структурирования.

Кроме того, науке известны и факты наличия у одних и тех же народов, помимо тотемных и других, более «рационалистических» форм классификаций. Но в любом случае тотем все же выступает маркером классификационных рядов, посредством которых архаический человек упорядочивает содержание своего опыта. Этот архаический классифика-

17. Бронзовые фигурки оленей.
Доланлар. Гарабах.
I тыс.-летие до н.э.

18. Бронзовая фигурка льва.
Хасанлу. Южный Азербайджан.
IX-VIII в. до н.э.

ционизм также не умер бесследно вместе с примитивными обществами, но проявил себя в истории мировой цивилизации в весьма утонченных формах.

По существу, тот классификационизм и нумерологизм, который, по мнению авторитетных синологов, составляет методологическую основу всей классической китайской философии, несомненно, имеет ту же природу, что и тотемистические упорядочивающие структуры. Так, например, первоэлементы (у син) китайской космологии маркируют или кодируют весьма длинные классификационные ряды, гармонически

19. Терракотовая фигурка
льва. Мингячевир. Албанский
период.

упорядочивая универсум китайской культуры (38, 172). Тотемизм также включает в себя весьма любопытные ритуалы, предполагающие, в частности (помимо уже упоминавшегося ритуального вкушения мяса тотема) отождествление участников с тотемными животными или растениями.

Исследования фольклора и народной обрядности азербайджанцев свидетельствует о том, что тотемистические культы, просматриваются в обрядовой практике наших предков начиная с эпохи энеолита (IV-III тыс. до н.э.). На это указывают самые ранние фигурки животных, выполненные для проведения ритуалов.

Гораздо обширнее эти культы представлены в скульптурных фигурках эпохи бронзы (III-II тыс.-летие до н.э.) Складывание родового строя, вычленение из больших родов племен сопровождалось формированием культов различных племенных тотемов. На изначальной стадии эти тотемы выполняли роль племенной идентификации по принципу «свой-чужой». В дальнейшем, развиваясь и обрстая новыми функциями, тотемы начинают выполнять роль сакрального защитника рода или племени.

Обряды почитания тотема превращаются в один из основных культов и сопровождаются изготовлением чучел тотемов, а позднее, – их скульптурных заменителей.

Широкое распространение тотемистических культов

20. Бронзовая фигурка льва.
Бурадика. Масаллы. I век.

21. Бронзовое навершие
в виде головки льва.
Хасанлу. IX в. до н.э.

22. Бронзовая фигурка
тура. Южный
Азербайджан.
II тыс.-летие до н.э.

23. Фигурка орла. Золото.
Хыныслы. Шамаха.
I в. до н.э. – I в. н.э.

в Азербайджане отражено в многочисленных изображениях тотемных животных на оружии и бытовой утвари (керамика, пояса, украшения, талисманы и т.д.). Но самым интересным феноменом тотемистических культов являлось изготовление скульптурных фигур тотемов из глины, камня, металла и керамики.

Бронзовые фигурки оленей, быков, птиц и других животных, обнаруженных в Нахчыване, Мингячевире, Ханларе и т.д., свидетельствуют о широком распространении тотемистических культов на территории Азербайджана еще в эпохе средней бронзы (II тыс.-летие до н.э.).

Немало свидетельств распространенности этого культа и в эпохе железа (I тыс.-летие до н.э.) обнаружено как в северном (Гарабах, селение Доланлар, Исмаиллинский район), так и в Южном Азербайджане (Хасанлу).

Поистине огромное количество зооморфной пластики, связанной с тотемизмом относятся к албанскому периоду (IV в. до н.э. – VII в. н.э.). Археологические находки в Исмаиллы, Масаллы, Губе и других местах говорят о неизжитости этого культа даже в раннем средневековье.

Подавляющее большинство этих скульптур носит культовый характер, они служили для выполнения различных тотемистических обрядов, обеспечивающих тотемную защиту племени, рода или же от-

24. Бронзовая фигурка голубя.
Дашкесан. Албанский период.

дельной семьи. Большинство подобных фигурок найдены в культурных слоях поселений.

Вторая, не менее многочисленная группа скульптурных и рельефных изображений тотемов имеется на различных украшениях и личных талисманах. Они, как правило, очень небольших размеров, выполнены в стилизованной форме. На таких изделиях порою вся фигура тотемного животного заменена ее частью (рога, копыто, коготь, крыло, голова и т.д.)

К таким изделиям относится фигурка орла (4 см) из селения Хыныслы (Шамахинский район), фигурка горного тура на навершии бронзовой булавки из Хачбулага, фигурки птиц на навершиях булавок из Мингячевира, головка быка на бронзовом навершии из Гарабаха, бронзовые подвески в виде фигурок горных козлов и быков из Йедди-тепе (Физулинский район) и др.

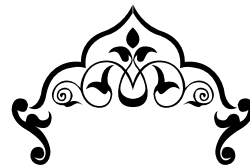
Надо сказать, что сложившийся в течение тысячелетий культ тотемов не был изжит полностью даже в средневековье, с распространением монотеистической религии Ислам. Многовековая борьба исламской религии с пережитками язычества так до конца и не смогла вытеснить из религиозно-мифического сознания и подсознания веру в сакральную связь с тотемным животным и особую защиту этого тотема. Блестящим свидетельством чему являются изображения и скульптуры животных на знаменах и племенах Гара-гойунлу и Аг-гойунлу, изображения львов и головы быка в качестве талисманов на воротах Бакинской крепости (Гоша гала гапысы), на предметах бытовой утвари и т.п.

Важнейшая идеологическая роль веры в тотемических предков и мифов о них заключалась в том, что в них как бы олицетворялась связь родовой общины с территорией обитания. Вследствие этого мифы о тотемических предках порою были привязаны к отдельным частям географического ландшафта, что отражено и в топонимике Азербайджана.

ГЛАВА II

ТИПОЛОГИЯ ДРЕВНЕЙ И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ СКУЛЬПТУРЫ

МОНУМЕНТАЛЬНАЯ СКУЛЬПТУРА

Вопрос о развитии пластического искусства и монументальной скульптуры в Азербайджане в древний период его истории и в раннее средневековье представляет несомненный интерес для науки.

Изученные в последние годы археологические находки и другие вещественные памятники материальной культуры Азербайджана позволяют судить о том, что этот вид искусства своими корнями уходит вглубь веков. Накопившийся за последние годы археологический материал и вещественные памятники материальной культуры Азербайджана дают возможность заявить о наличии здесь пластического искусства и его развитии как в древнейший период, так и в средние века (21, 61).

По мнению археологов, обнаруживших большинство этих каменных изваяний людей, они входят в круг аналогичных памятников, широко известных на юге России, в южной Сибири и в соседних с ней областях Центральной Азии (56, 3).

Традиция создания монументальных каменных скульптур в Азербайджане уходит своими корнями в глубокую древность. Наиболее ранние образцы подобных изваяний обнаружены в Гобустане и на Абшере (с. Тюркан). Датируются эти изваяния эпохой бронзы (III-II тыс.-летие до н.э.) и обнаружены в местах курганных погребений а также в центре некоторых кромехов. Условия расположения этих скульптур со всей очевидностью указывают на культовый характер каменных изваяний, размеры которых колеблются от 1,5-2,5 метров по высоте. Эти скульптуры характеризуются слабой проработанностью форм и тяготеют к каменным столбообразным формам. Подобные памятники встречаются в Мугани и на равнинах Гарабаха.

Большая часть этих памятников и по сей день находится там, где они были созданы тысячи лет тому назад. Высеченные из охристо-белого абшеронского песчаника или из темно-серого гарабахского булыжника и базальта, эти каменные изваяния знакомят нас не только с индивидуальной творческой манерой безымянных скульпторов, но и отражают мировоззрение их создателей. Очевидно то, что эти памятники эпохи бронзы имели культовое значение и были связаны с погребальными обрядами.

Следующий после эпохи бронзы взлет монументальной скульптуры приходится на эпоху железа, а точнее – на скифский период в истории Азербайджана (VIII-VII вв. до н.э.). Широкое распространение в эту эпоху скифских племен в междуречье Куры и Аракса было зафиксировано еще «отцом истории» Геродотом, назвавшим эту территорию Скифией.

Памятники этого периода отличаются большей проработанностью форм и деталей, в них все более проступают конкретные антропологические черты скульптурных образов. Тотемные столбообразные культовые памятники эпохи бронзы постепенно превращаются в героизированных отцов рода и племени.

Следующая за скифской хуннская эпоха (III в. до н.э. – VII в. н.э.) также оставила немало каменных монументальных изваяний, разбросанных по степям севернее Аракса.

Появление в III-VII вв. на территории Азербайджана такого рода статуй – явление не случайное. Как известно, в это время на данной территории происходили важные события, в дальнейшем сыгравшие исключительное значение во всей его истории.

Этот исторический период связан с пребыванием в Азербайджане гуннских, а позже огузских племен, сыгравших ключевую роль в формировании этнического состава азербайджанского народа.

Обряд, связанный с установкой изваяний на территории Азербайджана, хорошо освещен в трудах армянских, грузинских и арабских историков, живших в VII-XI вв. Албанский историк Моисей Каланкатуйский в своем труде «История Агван» особо отмечает роль и значение этих каменных фигур, воздвигнутых в честь наиболее могущественных воинов и полководцев.

У М. Каланкатуйского мы находим интересные сведения и в описании траурного обряда, в ознаменование которого воздвигался памятник. Эти церемонии проводились с особой торжественностью. Там не только оплакивали покойного, но и разыгрывали сцены, напоминавшие битвы, в которых участвовал умерший, танцевали, пели. Все это делалось, чтобы напомнить людям о жизни и героизме погибшего храбреца.

Впоследствии каменные изваяния, воздвигнутые в честь героя, постепенно превращались в места паломничества. И люди относились к ним с большим почтением и любовью, оберегая их. «... Если кто-то хотел прикасаться к ним и их осквернить, подвергся бы гневу самого бога Тангрыхана...», – пишет М. Каланкатуйский (50, 36).

Подлинный расцвет монументальной каменной скульптуры приходится на Албанский период истории Азербайджана. Анализ

25. Каменный балбал. Зиря.
Абшерон. Эпоха бронзы.

огромного числа этих памятников позволяет высказать твердое убеждение в преемственности албанских памятников, в которых прослеживаются типологические черты памятников скифской и хуннской эпох. Сравнительно неплохая сохранность этих скульптур позволяет провести художественно-семантический анализ особенностей пластического мышления носителей культуры языческих изваяний.

Большинство этих статуй найдены в селениях Шефибейли, Моллар (Агдамский район), Сейидсулан, Джанятаг (Тертерский район), Шатырлы (Бардинский район), Хыныслы (Шамахинский район), Дюбенди (Абшерон) и др. Средний размер этих идолов 1,5 м, но некоторые достигают высоты до 3-х метров.

Традиция изготовления подобных статуй зафиксирована еще у древних скифов и хуннов, впоследствии традиции монументальной языческой скульптуры просматриваются у хазаров, кыпчаков, монголов и ряда других тюркских народов, проживавших в степях Евразии. Имея общие черты, изваяния разных регионов тем не менее, имеют свои стиливые отличия, выражающиеся в стилизации форм и трактовке образов.

Скульптура древних албан более отвлечена, их антропоморфность слабее выражена, начисто отсутствуют этнические черты и портретные особенности. Иконографически статуи представляют собой стелообразный менгир с едва намеченными человеческими формами с лицевой стороны. Боковые и задние части скульптур не обработаны и сохранили свою стелообразность.

В целом, абсолютное большинство фигур изображают мужчин со сложенными на груди в молитвенной позе руками. Все фигуры имеют трехчленное строение, в котором голова, корпус и нижняя часть разделены горизонтальной линией-желобком. Изваяния вкапывались в землю до пояса и зрительно представляли собой вросшие в землю молящиеся фигуры.

Активная скульптурная прорисовка передней части скульптуры и полное отсутствие обработки боковых и задней части стелы говорит о том, что скульптура не обходилась кругом во время культовых обрядов.

Типологический анализ всей монументальной скульптуры древней Албании выявил два иконографических канона, по которым выполнены все албанские изваяния.

26. Каменная статуя.
Гала. Абшерон.
Раннеалбанская эпоха.

Первый тип скульптур был распространен на нынешней территории Тертерского района (Сейидсулан) и характеризуется большим реализмом в обработке лицевой части фигуры. У этих скульптур имеются глаза, глубоко обозначены надбровные дуги и слегка обозначена форма носа.

Второй иконографический тип более характерен для нынешнего Агдамского района. Здесь нижняя и средняя части фигур идентичны с Тертерскими, зато лица фигур решены совершенно отвлеченно. На них V-образным желобком отмечен только нос и весьма условно намечена челюсть. На подобных скульптурах, обнаруженных в Бардинском районе (Шатырлы), проработка челюсти и вовсе отсутствует.

Оба типа Албанских изваяний создавались в один и тот же исторический период ваятелями двух «школ». Изготовление подобных изваяний началось примерно в самом конце IV в. н.э. и продолжалось вплоть до арабского завоевания Албании и распространения здесь Ислама, который объявит беспощадную войну этим изваяниям.

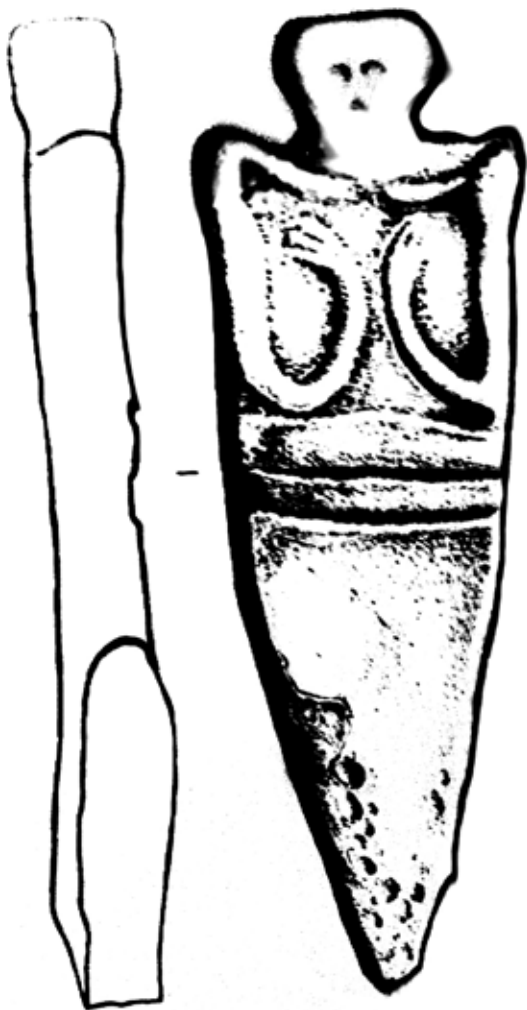
Албанские изваяния входят в круг разновременных и разнотипных каменных изваяний евразийских степей, обозначенных в науке условным названием «каменные бабы» или «половецкие бабы».

Место, значение и роль этих монументальных каменных идолов в языческом культе древних албанских племен можно реконструировать, основываясь на общетюркской мифологии, раскрывающей основные черты духовной и культовой жизни создателей этих скульптур.

Среди огромного числа раннетюркских изваяний, распространенных на просторах Восточной Европы, Передней и Средней Азии и Дальнего Востока, албанские изваяния отличаются собственными стилевыми чертами. Отсутствие «изобразительности» при проработке фигур, портретной конкретности и этнографических деталей роднит эти скульптуры не со своими раннесредневековыми синхронными соседями, а с более древней скульптурой скифов и хуннов.

Художественно-типологический анализ этих скульптур говорит об их принадлежности именно скифским традициям. Значение и роль подобной скульптуры у скифов была иная, нежели у раннесредневековых тюркских племен. Для первых подобные скульптуры имели сакральный характер и являлись объектом поклонения, тогда как

27. Каменная статуя.
Мардакян. Абшерон.
Эпоха железа.

для вторых подобная скульптура имела мемориальный характер и в основном ставилась в местах захоронений. У скифов подобные скульптуры символизировали первопредка (демиург), а уже у хуннов, печенегов и др. изображали конкретных погибших героев. Скифский (и албанский) тип подобных памятников был символическим и отвлеченным, а у поздних тюрков – конкретно-историческим и реалистичным.

Различие между албанскими и иными евразийскими изваяниями проступает уже в самой сути памятников. Албанские исключительно изображают молящихся, тогда как иные держат в руках ритуальную чашу. В этом плане характерно свидетельство Гильома де Рубрука, оставившего описание самых разных обрядов погребения у современных ему обитателей Степи: «Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке перед пупком чашу» (28, 63).

Великий азербайджанский поэт Низами также отмечал, что кыпчаки ставят каменные статуи и поклоняются им. Анализ многочисленных источников и каменных изваяний неизбежно приводит к выводу о том, что албанские памятники изначально создавались как культовые.

В этом отношении большой интерес представляют статуи, обнаруженные в Шамахинском районе. Особенно примечательна каменная статуя, найденная в Хыныслы в 1946 г. Статуя сделана из местного известняка; голова отсутствует, а верхние и нижние конечности находятся в хорошей сохранности. Левая рука прижата к правой груди, правая рука опущена вниз и прижата к левому боку.

На левой руке статуи имеется знак шестилучевой звезды. По мнению исследователя албанского искусства Н. Рзаева, это племенной знак умершего вождя племени (57, 180). Название же племени, как можно догадаться, было связано с солнцем. Поэтому найденную каменную фигуру Н. Рзаев склонен считать образом вождя племени, носившего название «Шесть огузов». Статуя обнаружена случайно, во время вспашки. Н. Рзаев считает, что она была установлена на могиле вождя этого племени.

Обнаружение в 1959 г. в том же месте второй аналогичной статуи (высота – 1,35 м) без верхней половины показывает, что подобные памятники пластического ис-

28. Каменная статуя.
Келбаджар. Эпоха железа.

29. Каменная статуя.
Гарибли. Товуз. Конец
I тыс.-летие до н.э.

куства были связаны с древними традициями. Эта догадка подтверждается результатом археологических раскопок Д. А. Халилова в Хыныслы в 1960 году, где были найдены еще две статуи без голов, которые в V-VI вв. были выровнены и употреблены при сооружении перекрытия погребения типа каменного ящика, как и другая статуя из Хыныслы (69, 17).

Хыныслинский тип статуй, по определению Д. Халилова, изготовлялся до III-IV вв. Такая художественно-пластическая традиция изготовления формировалась в первом тысячелетии до н.э. и прекратилась в связи с распространением зороастризма и христианства в Азербайджане с IV в. Наряду с этим, в отдаленных от культурных центров Кавказской Албании районах традиции пластического искусства сохранялись еще долгое время. Это подтверждается находкой более поздних каменных рельефов, в которых были продолжены древние скульптурные традиции.

Хыныслинские памятники пластики характеризуются массивностью,

монолитностью фигур, в которых, как правило, отсутствует детальная обработка частей тела. Фигуры высекались из больших цельных глыб камня.

Для этих статуй характерно невысокое мастерство исполнения, особенно примитивно выполнялась тазовая часть фигуры, поэтому первую хыныслинскую статую ошибочно приняли за женскую фигуру. Наряду с этим в этом памятнике обработке рук было уделено особое внимание.

Новая статуя конца I тысячелетия до н. э. и начала I тысячелетия н.э. обнаружена в сел. Дагколаны Шамахинского района. Это фигура бритоголового мужчины высечена из цельного камня-известняка. Отмечается слабая детализация частей тела: глаза углублены, уши аккуратно высечены, но высоко обозначены, нос (позже отбитый), рот и борода, а также полы одежды рельефно выделены. На спине статуи обозначена вертикальная углубленная линия. Четырехугольный выпуклый выступ на верхней части спины, на наш взгляд, обозначает косу, спущенную на плечи.

Пропорции дагколанской статуи несоразмерны: бритая голова и широкие плечи имеют увеличенные, а руки утонченные размеры. Плечи неравномерные, шея не обработана. Эта первая фигура из Шамахин-

ского района с сохранившейся головой, которая может пролить свет на методику изготовления хыныслинских статуй. Стандартное положение рук объединяет все каменные фигуры Шамахинского района в одну группу.

Традиция пластического искусства Кавказской Албании, как известно, продолжалась и в средние века. Так, в Дагестане, в местности Мамайкутан Ленинского района, обнаружен в земле надгробный памятник в виде полуфигуры человека с бритой головой и без рук. Статуя относится к XIV в. и отличается монументальностью. Широкий пояс и длинная коса, спущенная на спину, подчеркивают принадлежность изображенного человека к тюркским племенам.

Подобные надгробные памятники высекались и в древние времена, они отличались расположением рук на животе. Примером может служить плоско-рельефная каменная фигура мужчины из поселка Дагестанские огни, датируемая VI-V вв. до н.э. (5, 164). Эта надгробная стела, принадлежащая кочевым скифским племенам, широким поясом, положением рук с монолитной нижней частью отличается от надгробных фигур Шамахинского района.

Интересна и другая плоско-рельефная надгробная стела обнаруженная там же и изображающая мужчину с кинжалом в правой руке. Стела датируется VI-V вв. до н.э. и найдена в селении Мескеты (Чечено-Ингушетия). Здесь нас интересует высеченный на спине прямоугольник, имитирующий косу. Подобное изображение мы отмечали и на каменной фигуре из Дагколаны. В данном случае прямоугольник дополнен многочисленными линиями горизонтального и вертикального направлений, отсутствующими в первом случае.

Как видно, рассмотренные нами более древние каменные надгробные фигуры Чечено-Ингушетии и Дагестана отличаются от статуи Шамахинского района как манерой работы ваятелей, так и изобразительными мотивами пластических композиций.

Обнаружение новых образцов шамахинских

30. Каменная статуя.
Гявуркала. Агдам. III-V века.

изваяний подтверждает их широкое распространение в этом районе на базе местных обрядовых традиций. На юго-западной окраине сел. Чираглы Шамахинского района, на старом кладбище обнаружены каменные фигуры. Эти надгробные изваяния археолог Д. Халилов считает мемориальными и датирует концом I тыс.-летия до н.э. (70, 23). По изобразительным мотивам и манере исполнения они идентичны ранее рассматриваемым статуям Шамахинского района. И те, и другие статуи не являлись продуктом политеистической религии и не почитались идолопоклонниками, как пластические образы божеств а скорее выступали как героизированные образы предков – охранителей рода.

Не исключена возможность, что они были созданы на базе идеологии военно-рабовладельческой знати племен, обитавших в Шамахинском районе в первых веках нашей эры. В основе этой идеологии лежала пропаганда подвигов храбрых и знатных воинов кочевых племен. Напомним, что, изображая идолов, древние скульпторы при помощи различных аксессуаров подчеркивали их божественную силу.

В шамахинских же статуях властвующая поза отсутствует. Можно предположить, что данные надгробные фигуры воплощают пластические образы умерших, скорее всего, храбрых и знатных воинов. Возможно, как у восточных тюрков, на могиле воина-кочевника устанавливали

31. Каменная статуя.
Шефибейли. Агдам.
III-V века.

неотесанные камни (балбалы) по количеству убитых им врагов. Таким образом, побежденные враги в загробной жизни были обречены служить своему победителю.

Кроме указанных балбалов, на могилах восточных тюрков ставились каменные фигуры, воплощающие пластический образ покойника. Эти каменные фигуры, сооружавшиеся древними тюрками, связаны с поминальным обрядом и изображают их умерших героев. Каменное изображение умершего у древних тюрков предназначалось для замены погребенного на его поминках, т.е. должно было служить «вместелищем» одной из душ умершего, которая «принимала участие» в поминальном пиршестве.

Ритуал установления на могилах каменных фигур в VII-IX вв. широко распространился восточными тюрками по всей Центральной Азии. Количество каменных антропоморфных изваяний, зафиксированных в зоне Гявуркала (в Агдамском и соседнем Тертерском районах), достигает десяти. Все они сделаны из плотного местного известняка и отличаются лишь размерами (высота их от 0,9 м. до 3 м). По всем данным, обнаруженные в Азербайджане каменные бабы входят в круг аналогичных памятников, широко известных на юге России и Сибири, т.е. все рассма-

32, 33, 34. Каменные статуи.
Барда, Тертер. III-IV вв.

триваемые изваяния являются надгробными памятниками древних тюрок – предков азербайджанцев.

Учитывая стилистические особенности данных изваяний, можно считать, что они созданы позднее, чем статуи Шемахинского района, и предположительно могут датироваться IV-VII вв. н.э.

Что касается камней-балбалов, то подобные памятники на территории Азербайджана выявлены в Ширване, Гарабахе и Мугани. Камни-балбалы, как образы врагов, естественно, вызывали в душе местных жителей чувство неприязни, мести и «либо уничтожались вовсе, либо закапывались в землю. Создание балбалов знаменовало упадок древнейшего обряда человеческого жертвоприношения, его последнюю фазу, – считает А.Д.Грач (29, 88-89).

35. Каменная статуя.
Шатырлы. Барда. III-V века.

Самый развитый период этого обряда в Азербайджане совпадает с эпохой бронзы, когда для службы в загробном мире рабов умерщвляли и погребали вместе с хозяевами. В начале нашей эры обряд этот резко изменился. В эпоху тюркского каганата тюрки довольствовались установлением на своих могилах балбалов и скульптурных идолов.

Иногда лишь цари восточных тюрок убивали своих пленных и в качестве жертвоприношения посылали их в загробный мир. В 575 г. византийские послы были свидетелями подобных сцен: «В один из дней траура Турксанфа к нему были приведены четверо скованных пленных гуннов для принесения их в жертву, вместе с их конями, умершему отцу его. Обряды над мертвыми называли тюрки на своем языке «до-хиа».

Надо отметить, что обряд человеческого жертвоприношения по традиции исполнялся тюркскими султанами и в эпоху нашествия сельджуков. Так, в период третьего нашествия сельджуков (1054 г.) в Армению полчища султана Тогрулбека распространились по всей стране: «В этой же схватке был тяжело ранен сын одного из любимцев Тогрула. Султан обратился к пленному армянскому бойцу Татулу, отличившемуся своим героизмом, со словами: «Ежели он (раненый) выживет, ты будешь свободен, а умрет – прикажу тебя принести ему в жертву» (36, 154).

В период господства в Азербайджане мусульманских законов древний обряд человеческого жертвоприношения вступает в свою завершающую третью фазу: вместо человека жертвуются животные – бараны и др.

В Кавказской Албании кроме указанных мемориальных скульптурных памятников создавались и каменные антропоморфные фигуры культового характера. Так, в сел. Гарибли Товузского района обнаружена женская фигура высотой 83 см, состоящая из трех отдельных частей: головы, туловища и ноги длиной 20 см. Удлиненная голова высечена на грубо обработанной шее, лицо отличается резкими горизонтальными чертами рта и бровей, контрастирующими с прямоугольным носом и сильно выделенными ушами в форме рельефного круга. Гладкая эллипсоидная поверхность лица оживлена углубленными прорубленными отверстиями глаз. Ни безрукое туловище, ни ноги не подверглись детальной обработке. Поэтому голова фигуры особенно выделяется. Коническая форма головы воплощает портрет древнего человека.

В результате древнего обряда голове женщины придавали удлиненную форму, являвшуюся племенным признаком. Обряд деформаций был широко распространен в Кавказской Албании в I-VII вв. и приписывается гуннским племенам. Учитывая пребывание I-IV вв. гуннов в Албании

36. Каменная статуя.
Моллалар. Агдам. III-V века.

и христианизацию албанцев в IV в., рассматриваемую статую из Гарибли можно датировать I-IV вв. На одной из боковых частей туловища этой скульптуры имеется знак плодородия и размножения в виде цепочки ромбов. Возможно, статуя является пластическим образом богини плодородия и размножения племени гуннского происхождения. Ее миниатюрные размеры свидетельствуют о предназначении для хранения и почитания в интерьере, в домашних условиях или в храме. Не исключено, что она хранилась в языческом храме-пире, посещаемом бездетными людьми и пострадавшими от засухи.

Идея почитания в древнем Азербайджане божества оплодотворения и размножения подтверждается петроглифами Гобустана (Джингир-даг, скала № 1, 3) и вырезными рисунками на сосуде из Мингячевира I в. до

н.э. – I в. н.э., изображающими половую связь людей. Типологическая идентичность изображения людей на этом сосуде и ряда статуй позволяют высказать мнение о генетическом родстве формально-пластических методов создания человеческих рисунков и скульптур. Известно также, что древнетюркские племена Азербайджана почитали «богиню бракосочетания» (61, 161).

Не менее интересна миниатюрная головка из янтаря (I-II вв.), найденная в Мингячевире, являющаяся хорошим образцом скульптурного портрета древнего Азербайджана. Индивидуальные черты древнего человека воплощены в камне-янтаре с реалистическим мастерством.

Каменная скульптура применялась и в синтетическом виде в архитектурных памятниках Кавказской Албании, особенно в оборонительных сооружениях Дербента, построенных в VI веке. Арабские историки начала X в., говоря о дербентской стене, упоминают об изображениях различных животных, помещенных на ней. Согласно данным этих источников, в Дербенте «над Баб-ул-Джихад (ворота войны за веру) на стене – две колонны; на каждой колонне – изображение льва из белого камня. Ниже их – два камня, а на них – изображение двух львов. Близ ворот – изображение человека из камня; между ногами его – статуя лисицы, а в пасти ее – гроздь винограда. В стороне от города водоем, известный под именем «Водоем Масруф». В него ведет лестница, по которой спускаются в водоем, когда

37. Каменная статуя.
Сейидсулан. Агдара.
III-V века.

мало воды; по бокам лестницы – два льва из камня, а над одним из них – каменная статуя человека. Над домом правителей – изображение двух львов также из камня, выступающие из стены. Жители Баба говорят, что это талисманы стены» (17, 10).

Из этого отрывка особое внимание привлекает упоминание пластического изображения лисицы с гроздью винограда. Подобный изобразительный мотив встречен уже на пьедестале скульптуры Джеваншира. Это не случайно: время правления Джеваншира синхронно с периодом сооружения дербентских укреплений. Вероятно, изображение лисицы с гроздью винограда было одним из царских атрибутов Джеваншира.

Дербентские скульптурные памятники представляют образцы замечательных творений мастеров пластики Кавказской Албании VI в. По сообщениям арабских историков X в., в крепостных стенах города ставились горельефы, которые жители города считали талисманами городских стен; у крепостных стен и на лестницах водоема Масруфа были установлены фигуры львов и людей. Декоративный характер схематических фигур Дербента не лишал их внушительной монументальности. Характерной особенностью скульптур является продолжение традиций пластического искусства и анимистических верований предыдущих веков. Скульптурные фигуры «оберегавшие» дербентский водоем, напоминают пластические фигурки зооморфных сосудов Кавказской Албании, оберегавшие от злых духов хранившуюся в них жидкость.

38. Каменная статуя.
Сейидсулан. Агдара.
III-V века.

Из скульптурных памятников Дербента сохранилась внушительная фигура льва, установленная над воротами дербентских стен. Пластическое изображение льва, ранее олицетворявшего солнце, а позднее власть правителей, является традиционным мотивом в искусстве Азербайджана.

К ранним образцам фигур львов относится бронзовая фигурка из сел. Борадигях Масаллинского района, голова которого украшена солнечным диском. Она относится к периоду развития зороастрийского культа в Азербайджане (III–VI вв.), когда мастера успешно отливали фигурки животных, имеющих культовое значение.

Поздним образцом является небольшая бронзовая фигурка льва с человеческой головой, завершённая солнечными лучами, обнаруженная в Оренкале и датированная XII в. Эта фигурка, безусловно, символизировала царскую власть азербайджанских Атабеков из династии Эльдегезидов (1136–1225 гг.).

Традиция синтетического использования скульптурных фигур в архитектурных сооружениях продолжалась и в средневековом Азербайджане. Примером может служить выполнение барельефов на «баиловских камнях».

Пластическое искусство Кавказской Албании выявляется и в надгробных памятниках, (хачдаш), имеющих вид прямоугольных плит с декоративно-орнаментальными и изобразительными мотивами.

Прямоугольные надгробные плиты сел. Чанахчи Нагорного Гарабаха по мотивам рельефных изображений относятся к албанскому периоду. Первая на верхней плоской стороне имеет круг выпуклого солнечного диска, который сопровождается двумя изображениями солнца в виде креста, расположенными на боковой стороне камня. Рядом со знаками креста выделяются плоско – рельефные изображения: справа – козла, слева – всадника с саблей в правой руке. Здесь интересно, что левая рука прижата к груди всадника. Идентичная поза отмечалась в статуях из Шамахинского района. Не проливает ли свет подобное сходство на этнографическую и пластическую близость древних племен, проживавших в отдаленных друг от друга территориях?

В сел. Чанахчи сохранилась рельефная надгробная плита, которая по своим изобразительным мотивам относится к албанскому

39. Каменная статуя.
Хыныслы. Шамаха. III–IV века.

периоду, искусства: на верхней ее полосе изображена сцена пиршества, внизу идут орнаментальные розетки, изображающие три креста, три шестиугольника и четыре солнечных знака. Древнейшие прототипы таких солнечных знаков встречаем в украшениях донной части гончарных изделий эпохи бронзы. Рельефные розетки с изображениями крестов также связывают надгробный памятник с древним периодом искусства. Одежда человеческих изображений трактована как вырезной рисунок человека на каменной печати Мингячевира, датированной III-IX вв. н.э. и имеющей знак шестилучевого солнца.

На основе этого знака гемма связывается Н. Рзаевым с культурой тюркского племени «Шести огузов». Надгробные камни из сел. Чанахчи он также причисляет к наследию культуры древнеогузских племен.

Боковые сюжеты надгробных камней в виде прямоугольных плиток мы связываем с ритуальной сущностью самого памятника, они служат раскрытию содержания и мемориальности надгробного камня. Поэтому по бокам камня даны сцены, посвященные земным деяниям умершего. То же относится и к другим однотипным надгробным памятникам. Эта особенность древних каменных надгробий соответствовала мемориальному характеру надгробных памятников и последующих периодов.

Надгробные скульптуры в виде фигур барана и коня также надо связать с погребальными обрядами древнетюркских племен огузов, несмотря на более позднее их происхождение в исламской эпохе. Эта культура широко распространилась в Закавказье, что можно связать с концентрацией тюркских кочевых племен в районах с богатыми пастбищами. Их больше всего обнаруживаем на территории Азербайджана.

В первом периоде развития искусства Кавказской Албании различные изображения барана и коня использовались в погребениях в качестве могильного инвентаря, имеющего апотропическую силу. Интересно, что в средние века изображения барана и коня оказались уже на могилах в качестве надгробного мемориального

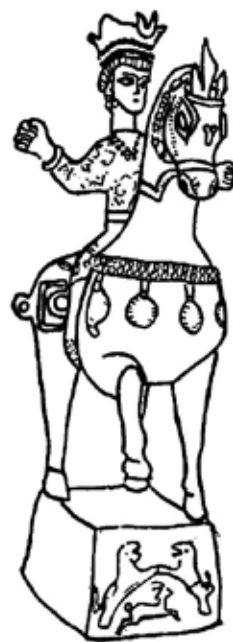
40. Рельеф на камне из курганный оградки. Мардакян. Эпоха железа.

памятника. Нам кажется, что такими надгробными фигурами первыми пользовались огузские племена. Не случайно, что во многих районах Закавказья подобные погребения с каменными фигурами коней и баранов местные жители называют «огуз загасы» (огузские могилы).

Установление каменных фигур коня и барана на могилах огузов было связано с их погребальным обрядом. К сожалению, об этом мы не располагаем письменными сведениями. Из аналогичных ритуалов следует напомнить погребальный обряд огузских тюрков, в начале X в. расселившихся на западных окраинах Туркестана: «А если умер человек из их (числа), то для него роют большую могилу наподобие дома, берут его, одевают на него его куртку, его пояс, его лук, кладут в его руку чашу из дерева с набидом (хмельным напитком), оставляют перед ним сосуд из дерева с набидом, приносят все его имущество и кладут с ним в этом доме. Потом сажают его в нем и покрывают настилом дом над ним, накладывают над ним подобие юрты из глины, берут лошадей его, в зависимости от их численности, и убивают из них сто голов или двести голов или одну голову и съедают их мясо, кроме головы, ног, кожи и хвоста. И действительно они растягивают это (все) на деревяшках и говорят: «Это его лошади, на которых он поедет верхом в рай» (53, 63).

41. Бронзовая статуя
Албанского царя
Джеваншира. VII век.

Вероятно, древние огузские племена Азербайджана также исполняли указанный погребальный обряд. А их потомки в средние века внесли свои изменения – вместо растягивания над могилами «головы, ног, кожи и хвоста» коня устанавливали конские фигуры из камня.

Наши древние предки, скотоводы во всех уголках Азербайджана с богатыми пастбищами оставляли надгробные скульптуры в виде коней и баранов, связанных с погребальными обрядами. На этих каменных фигурах, сооруженных в XIV-XIX вв., имеются надписи арабскими буквами, посвященные покойнику, а также рельефное изображение человека с птицей на руке. Это изображение, быть может, связано с повседневным занятием покойного – охотой. Иногда вместо указанного изображения на каменных фигурах встречаем целую рельефную сцену охоты, как на каменном баране из Нахчыванского края, находящемся в Музее истории Азербайджана.

Зарождение каменных надгробных фигур коня и барана восходит к тому же погребальному обряду наших предков, о котором сообщал Ибн Фадлан, говоря об установлении на могиле изображения, имитирующего коня. Этот погребальный обряд связан с религиозной идеей о том, что конь доставлял покойника в рай.

Но некоторые племена огузской ветви, расселившиеся на территории Азербайджана, видимо, для сохранения численности коней, при погребальном обряде вместо лошадей использовали баранов. Затем уже на могилах появились каменные фигуры барана. Такое обновление обряда вытекало из хозяйственной жизни огузов.

Подтверждением этому служит и мифология. Так, в азербайджанской сказке «Мелик-Мамед», чтобы перевезти героя в темное царство или в светлое царство появляются два барана – с белой и черной шерстью (15, 195).

Таким образом религиозно-мифологические корни многочисленных каменных фигур коня и барана, сооруженных в средних веках, уводят нас в древние времена. В этом вопросе надо учесть сильное влияние ислама на языческую религию и фольклор огузских племен, основанных на таких древнейших религиозных предрассудках, как тотемизм и т.д.

42. Рельефы «Баиловских «каменей». Баку. XII-XIII века.

43. Надгробная
каменная статуя
в виде барана.
Газах. XV век.

В условиях господства мусульманской религии в Азербайджане создавались новые формы надгробных памятников. Появившиеся взамен пластических изображений древности надгробные плиты приобрели декоративно-орнаментальные формы украшения.

Рассматриваемые нами памятники пластического искусства древности свидетельствуют о богатстве художественных форм в изобразительном искусстве древнего Азербайджана. Оно характеризуется традиционностью и самобытностью художественно-пластических форм и декоративно-орнаментальных мотивов.

Важным результатом проведенного типологического и художественного анализа является констатация преемственности раннесредневековой монументальной скульптуры, восходящей своими корнями к скифским и хуннским памятникам древности.

44. Надгробная
каменная статуя
в виде лошади.
Ширван. XVI век.

КАМЕРНАЯ ПЛАСТИКА

Как известно, на территории Азербайджана первые глиняные статуэтки, изображающие человека, относятся к периоду энеолита. Несмотря на их малочисленность, исследования историков и этнографов позволяют высказать определенное мнение об их семантике и назначении.

В целом ареал распространения статуэток человека охватывает Закавказье, Северный Кавказ, Среднюю Азию, Украину и Юго-Восточную часть Европы. За пределами нашей страны территория распространения глиняных статуэток человека охватывает все ранние земледельческие поселения.

Терракотовые статуэтки использовались при выполнении различных культов, связанных, в первую очередь, с развитием земледелия и скотоводства. Поэтому назначение их было разнообразно. Они выступают как символические образы богини-матери, покровительницы плодородия, хранительницы очага и души покойного и др.

В древности, когда жизнь человека во многом зависела от урожая, широко был распространен культ, связанный с плодородием. Племена, занимавшиеся земледелием и скотоводством, верили в сверхъестественные силы природы и создали обряды, связанные с идеей плодородия. С этими культами связаны небольшие грубые глиняные статуэтки.

Так как первобытный скульптор придавал своим произведениям символический смысл, статуэтки человека, найденные в ранних земледельческих поселениях, различаются по своим формам. З.А.Абрамова по отличиям внешнего вида выделяет две группы статуэток: 1) женские фигуры крупные, с подчеркнутым животом, изображающие богиню – прародительницу рода; 2) женские фигуры с худощавым телосложением, созданные в связи с охотничьей магией (14, 116-117).

По мнению С.Н.Бибикова, женские фигурки, отличающиеся крупным телосложением, изготавливались в связи с культом плодородия. Передача женской фигуры в обнаженном виде, обозначение полового органа, выпуклых грудей, выдающихся живота и бедер – все это свидетельствует, что статуэтки служили для выполнения культового обряда плодородия. Младенец питается молоком из грудей матери, видимо, в связи с этим груди женских статуэток, являвшихся символом плодородия, изображались очень выпукло. Грудям женщины приписывали сверхъестественную силу, что подтверждается этнографическими данными, собранными среди различных народов (25, 122).

Древние земледельцы знали, что богатый урожай зависит не только от плодородия земли, но и от ряда других факторов; особенно страшились засухи, производили обряды вызывания влаги и дождя пользуясь женскими статуэтками. В представлении древних людей женщина считалась силой, заботящейся об урожае и приросте семьи. Возникновение этой идеи, прежде всего, связано со способностью женщины рожать детей. По

представлению древних людей, продуктивность самой женщины должна была обеспечить благополучие племени и общины.

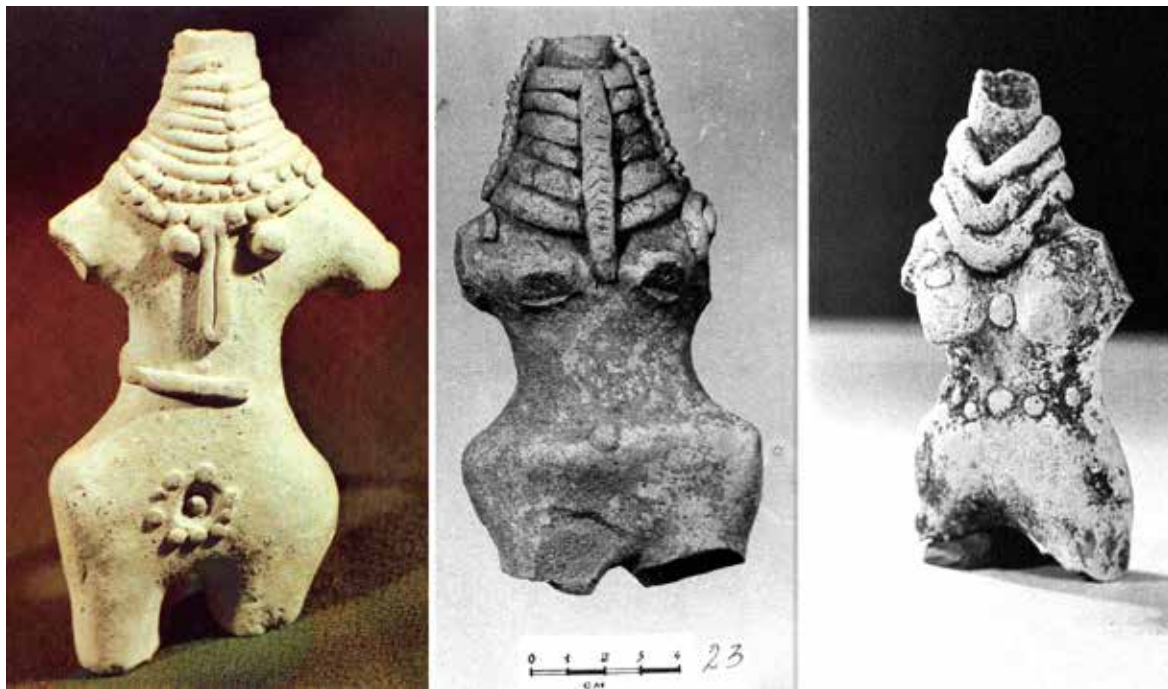
Довольно частое обнаружение глиняных статуэток человека у очагов или вблизи них указывает на их связь с культом очага. Благополучие семьи, особенно в холодное время года, было в особой степени связано с поддержанием огня. Видимо, этот факт делал огонь священным в представлении людей, порождая культ огня, становившийся сверхъестественным покровителем людей. Независимо от того, как люди представляли этого покровителя, данная идея также нашла свое отражение в глиняных статуэтках. Точнее, создавались глиняные статуэтки, символизирующие покровительницу очага, огня.

Статуэтки, обнаруженные у очага, в основном, изображали женщину и по сравнению с другими были изготовлены более тщательно. Это можно объяснить тем, что они предназначались для постоянного употребления.

Глиняные фигурки, изображающие животных, также имели определенные значения. На территории Азербайджана фигуры быка, барана, лошади, собаки, свиньи и других животных встречаются со времени энеолита. Появление их связано с идеями тотемизма. Большинство составляют фигурки быка, что связано с ролью этого животного в хозяйстве. Бык занимал важное место в представлениях древних людей.

В итоге можно прийти к заключению, что найденные при археологических раскопках в различных районах Азербайджана фигурки животных были созданы под влиянием тотемистических идей и являлись символами изобилия, плодородия, сбережения и мужества.

45. Терракотовые фигурки.
Мингячевир. I-II века.

В Азербайджане наиболее ранние терракотовые статуэтки встречаются в сельскохозяйственных поселениях эпохи энеолита и бронзы. В Шомутепе, Гаргалартепеси, Чалагантепе и ряде других поселений выявлены единичные образцы коро-пластики. Небольшое количество статуэток, которыми мы располагаем, происходит из памятников эпохи бронзы. Они найдены, в частности, в Гюльтепе на территории Нахчыванской АР, Бабадерише, Узунтепе, Гюнештепе, Узерликтепе и других памятниках Азербайджана. Эти статуэтки характеризуются преемственной связью и по внешним признакам, и по технике изготовления.

Глиняные статуэтки человека и фигурки животных при раскопках встречаются в различных местах: у очагов, в погребениях, среди остатков жилых зданий, в гончарных обжигательных печах и т.д. Это указывает на их тесную связь с повседневной жизнью человека. Условия находок исследуемых материалов помогают также установить их назначение и семантику.

Производство терракотовых статуэток включает пять последовательных этапов: 1) подготовка теста; 2) формовка от руки; 3) исправление накануне обжига; 4) обжиг; 5) окраска (в ряде случаев). Однако, найдены и не обожженные фигурки.

Древнейшие глиняные статуэтки в основном представлены фигурками людей и различных животных. Большинство из них изготовлены из хорошо отмоченной глины. Все они маленького размера. Цвет и прочность продукции зависели от уровня обжига. Следует отметить, что глиняные статуэтки обжигались при более низкой температуре, чем глиняные сосуды, подтверждением чему служит их качество.

Терракотовые статуэтки, широко распространенные в древних сельскохозяйственных поселениях, характерны для многих зон сельскохозяйственной культуры, расположенных вдоль Евразийского материка. Для большей части разновременных памятников Азербайджана нахождение терракотовых статуэток человека и животных считается одной из основных характерных особенностей. На этой территории встречаются два типа пластики – статуэтки и налепные изображения на поверхности сосудов, о чем подробно будет сказано в третьей главе настоящего исследования.

Пластика периода энеолита и бронзы немногочисленна – 5 антропоморфных изображений и 36 зооморфных (одна энеолитическая и 35 бронзового века). Однако для ее всестороннего изучения и понимания содержания нами привлечена опубликованная пластика из однокультурных и синхронных памятников Армении, Грузии, Средней Азии и др.

Обожженные статуэтки сохранились сравнительно хорошо. Из исследуемых нами статуэток три обожженные. Голова, руки и ноги отбиты, но сохранившиеся части отличаются прочностью. Такие статуэтки после формовки обжигались в печах, при этом в зависимости от уровня обжига глина приобретала серую, розовую, красную, оранжевую или черную окраску. Иногда, независимо от обжига, статуэтки окрашивали разным красками. На двух наших экземплярах сохранились следы окраски.

Среди исследуемых нами статуэток две необожженные, отличающиеся очень плохой сохранностью. Верхний слой их крошится под воздействием сырости.

Для всех терракотовых статуэток изучаемого периода памятников Азербайджана характерна формовка определенным способом. Голова в подавляющем большинстве случаев показана условно или в виде конического выступа, часто руки и ноги также переданы условно или вместо рук на плечах имеются выступы, ноги переданы конусовидным выступом. В основном, у статуэток женщин ноги изображены слитно, мужчин – расставлены.

По признакам пола пластика энеолита и эпохи бронзы Азербайджана делится на женские и мужские статуэтки, различающиеся по внешнему виду и иконографическим особенностям. Женские статуэтки сходны между собой по стилю и содержанию, но представлены в разных позах – стоящими или присидячими, притом для тех и других характерно пропорциональное несоответствие между верхней и нижней частями тела. Последнее характерно для статуэток из всех памятников эпохи энеолита и бронзы, У большинства статуэток плохо сохранилась голова, ноги и руки отбиты, что препятствует определению размеров. Из пяти известных нам человеческих статуэток только одна, небольшого размера, сохранилась сравнительно хорошо, В среднем статуэтки по размеру колеблются между 4-20 см, что сближает азербайджанские находки с терракотовыми статуэтками из древних земледельческих поселений Древнего Востока.

Женские и мужские статуэтки эпохи энеолита и бронзы (за исключением одной) – обнаженные. В целом такая трактовка в указанное время была широко распространена. На обнаженных фигурках женщин бедра переданы очень выпукло, груди изображены полушаровидными выступами, талия тонкая, часто условными знаками переданы половые признаки.

По своему художественному решению антропоморфные статуэтки эпохи энеолита и бронзы можно разделить на две группы: схематизированные и реалистические. В первую группу входят женские статуэтки из Гаргалартепеси и Узерликтепе. Для них характерны конусообразный выступ вместо головы и отсутствие рук. На бедрах статуэтки из Гаргалартепеси сохранились вмятины от зерен пшеницы, что еще раз подтверждает ее участие в обрядах по повышению урожайности и плодородия.

Женская статуэтка из Шомутепе и мужские статуэтки из Бабадервиша и Кызыл-Ванка относятся ко второй группе. У них четко выражены отдельные части тела, одежда, украшение (налепные), что свидетельствует о стремлении к реалистическому стилю.

Из памятников Азербайджана эпохи энеолита происходят две статуэтки человека, относящиеся к шомутепинской культуре, выявленные раскопками. Обе изображают женщину. Одна из этих статуэток найдена на поселении Шомутепе эпохи энеолита (Газахский район), другая – на поселении Гаргалартепеси.

Статуэтка из Шомутепе изображает полусидячую женщину, голова отбита, талия тонкая, бедра и груди переданы очень выпукло, ноги соединены. Левая грудь отбита. На ней сверху вниз проведены волнистые линии, изображающие распущенные косы. Такими же линиями по горизонтали покрыты ноги. Ниже пояса до кончика ног проходит желоб. Мелкой насечкой передан половой признак. Вообще, между верхней и нижней частями корпуса наблюдается несоответствие, особенно подчеркнутое выпуклостью нижней части.

Территория распространения подобных женских статуэток очень обширна, она захватывает древние земледельческие поселения Малой и Передней Азии, хотя происходящие отсюда женские статуэтки отличаются иконографическими признаками.

Несмотря на это, в целом между энеолитической пластикой Азербайджана и пластикой Переднего Востока имеется определенное сходство. Прежде всего, оно выражается в передаче головы конусовидным выступом, тонкости талий, несоответствием между нижней и верхней частями туловища и пр.

Археологическими раскопками поселений эпохи бронзы на территории Азербайджана выявлены три статуэтки человека: две – изображающие мужчину, они по внешнему виду существенно различаются; третья – изображает женщину.

Одна мужская статуэтка из Бабадервиша найдена в хозяйственной яме. От нее сохранилось только туловище. Статуэтка обожжена, светло-серого цвета. Талия опоясана завязанным спереди со свисающими концами ремешком, украшенным резным орнаментом.

В отличие от статуэток эпохи энеолита, ноги ее не сомкнуты, а туловище формовано пропорциональнее, точнее, не наблюдается несоответствия между верхней и нижней частями туловища. Вторая мужская статуэтка найдена вблизи Кызыл-Ванкского монастыря (Нахчыван). Черты

46. Терракотовые фигурки.
Физули. I-II века.

лица переданы четко, голова изображена в шапке, из-под которой выступают пряди волос. На лице обозначены усы и борода. Левая рука изображена на талии, правая – отломана. Статуэтка изображена в одежде: на ней длиннополая чуха (верхняя одежда), шапка и обувь. Полы чухи, доходящие до земли, спереди и сзади дугообразно срезаны. Талия охвачена поясом со свисающими концами, спереди завязанными в узел. Лицо окрашено в белый, а сапоги и полы одежды – в красный цвет.

На протяжении эпохи бронзы в искусстве и идеологии первобытного общества человек начинает занимать все большее место. Если в каменном веке зверей изображали гораздо чаще, чем людей, то в бронзовом – уже имеется обратное соотношение. Это можно объяснить и интенсивным развитием земледелия и скотоводства, в котором человек и животное присутствуют как основная сила.

В эпоху бронзы на территории Азербайджана появляются и мужские статуэтки, которые дают основание судить о патриархальных отношениях внутри общины.

Женские культовые статуэтки, характерные для энеолита, вытесняются мужскими, как это видно по обломкам расписных глиняных статуэток, найденных на поселении около Кызыл-Ванка. Ноги статуэтки, происходящей из Кызыл-Ванка, были обуты в сапоги. Статуэтка датирована II тыс.-летие до н.э.

Третья статуэтка человека, относящаяся к эпохе бронзы из Узерликтепе близ Агдама, изготовлена из хорошо отмученной глины. Она изображает стилизованную фигуру женщины. Руки и ноги отбиты, длинная шея заканчивается крючковидным загнутым выступом. На левой стороне шеи ожерелье, снабженное насечками. Грудь, в отличие от предыдущих статуэток, едва обозначены, бедра очень выпуклые. Общая высота сохранившейся части статуэтки равна 7,5 см.

Фигурки, человека эпохи энеолита и бронзы Азербайджана по технике изготовления и иконографическим данным обнаруживают определенное сходство со статуэтками, широко распространенными в это время в Передней Азии. Вместе с тем они имеют некоторые местные характерные черты. У них утолщенные бедра, переданы одежда и обувь и т.д.

Статуэтка найденная из поселения Гаргалартепеси, по иконографическим признакам имеет ближайшее сходство и с женскими статуэтками раннего этапа трипольской культуры.

Сравнительное изучение материалов из других памятников, особенно поселений Закавказья и Передней Азии позволило выявить некоторые черты сходства, что говорит о том, что земледельческо-скотоводческие племена Азербайджана эпохи энеолита и бронзы были знакомы с искусством Древнего Востока и между этими регионами существовали взаимосвязи. Однако самобытные художественные черты в развитии пластики Азербайджана все же преобладают.

Статуэтки животных эпохи энеолита и бронзы на территории Азербайджана многочисленнее человеческих. Но в отличие от последних изготовлены очень грубо. Не соблюдены соответствия между от-

дельными частями тела; плохая сохранность из-за того, что не обожжены. Фигурки в основном изображают домашних животных – крупный и мелкий рогатый скот, а также лошадей и собак. Есть статуэтки, принадлежность вида которых нельзя определить. Вместе с тем, несмотря на грубость изготовления, многие фигурки сформированы сравнительно реалистично. Скульптор стремился показать все характерные черты изображаемого животного и очень часто в определенной степени достигал своей цели.

В энеолитических поселениях найдена всего лишь одна зооморфная фигурка. Это головка свиньи из Чалагантепе, вблизи с. Афатли на территории Агдамского района. У нее вытянутая морда с овальным пятчком, на которой прочерченной линией обозначена пасть и овальными углублениями – глаза и нос. Эта фигурка единственная в энеолитических памятниках всего Закавказья, что позволяет говорить и о существовании зооморфной пластики эпохи энеолита на данной территории.

Из Гюльтепе (Нахчыван) известно 25 фигур животных, которые хранятся в фондах Музея истории Азербайджана. 13 фигурок изображают быка. Они переданы наиболее реалистично, обозначены отдельные части тела. Типологически они различаются моделировкой ног. У одних ноги конические, у других – прямоугольные. Но все они характеризуются удлиненным туловищем, удлиненной мордой, на которой обозначены иногда глаза и рот. Часто на шее сделано горизонтальное отверстие. У некоторых на спине крохотные округлые налесты.

47. Терракотовые фигурки.
Молла-Исаклы.
Исмаиллы. I-II века.

Фигурки, изготовленные из тонкообработанной глины, обожжены или без следов обжига. Размеры от 4 до 7 см.

Фигурки быка в других памятниках раннего бронзового века Азербайджана также преобладают. Так, они найдены в Бабадerviш, Гюнештепе, Мишарчай и в др. местах. Сохранность их плохая, но по некоторым признакам можно предположить, что они изображают быка.

Наиболее интересна фигурка бычка с поселения Бабадerviш. У нее широко раскрытые рога (половина одного отбита). Ноги расставлены. Изготовлена из серой глины, не обожжена. Длина сохранившейся части – 3,5 см.

На поселении Гюнештепе выявлены и фигурки животных. Две из них изображают бычков. От первой сохранилось лишь туловище. На шее – след отверстия, нанесенного не горизонтально, как у гюльтепинских фигурок, а вертикально – сверху вниз. Задние ноги расположены на некотором расстоянии. Под хвостом – углубление. Глина – розоватая, не обожжена. На второй фигурке этого же памятника отверстие на шее расположено так же вертикально. Ножки – маленькие.

Интересные фигурки животных найдены Талыш-Муганской археологической экспедицией при раскопках на поселении Мишарчай. Здесь одни глиняные фигурки представлены обломками, но у отдельных из них сохранились признаки, позволяющие установить вид животного. 4 фрагмента, по-видимому, принадлежат 4 фигуркам быка.

Пластические изображения домашнего мелкого рогатого скота представлены в основном статуэтками барана и козла. Есть четыре фигурки козла и две баранчика. К сожалению, ни одна хорошо не сохранилась. Различить можно по нескольким признакам. Так, у одной фигурки козла сохранилась голова с маленьким выступом, напоминающим бороду. Одно обозначает нос, другое – лоб. Сохранился один рог. Фигурка сделана из светло-желтой глины, не обожжена. Во второй фигурке козла также сохранилась голова. Глаза обозначены точками. По направлению отбитых рогов можно установить, что они были загнуты назад. У их оснований прилеплены мелкие пуговицы, вероятно, изображающие уши. Фигурка выполнена из светло-желтой глины, не обожжена. На шее отверстие, как у фигурки быка.

От третьей фигурки козла найдена только часть головы. Сохранился один рог. На лоб нанесены отверстия. Челюсть разбита. У основания рогов – углубления, возможно, изображающие уши. Фигурка изготовлена из хорошо очищенной серой глины, не обожжена.

Последняя фигурка козла с длинной мордой сохранилась хорошо. У места соединения шеи с туловищем небольшим выступом обозначена борода. По следам отбитых рогов удастся установить, что они были загнуты назад.

Фигуры баранчиков – фрагментированные. Одна из них представлена очень маленькой передней частью. Одна с длинной челюстью, глаза обозначены точечными углублениями, уши – лепные выступами. У второй фигурки отбиты рога и три ноги, силуэт округлый. Глаза обозначены

ны процарапанными кружочками, нос – дырочкой. Обе фигурки изготовлены из хорошо очищенной светло-желтой глины. Не обожжены.

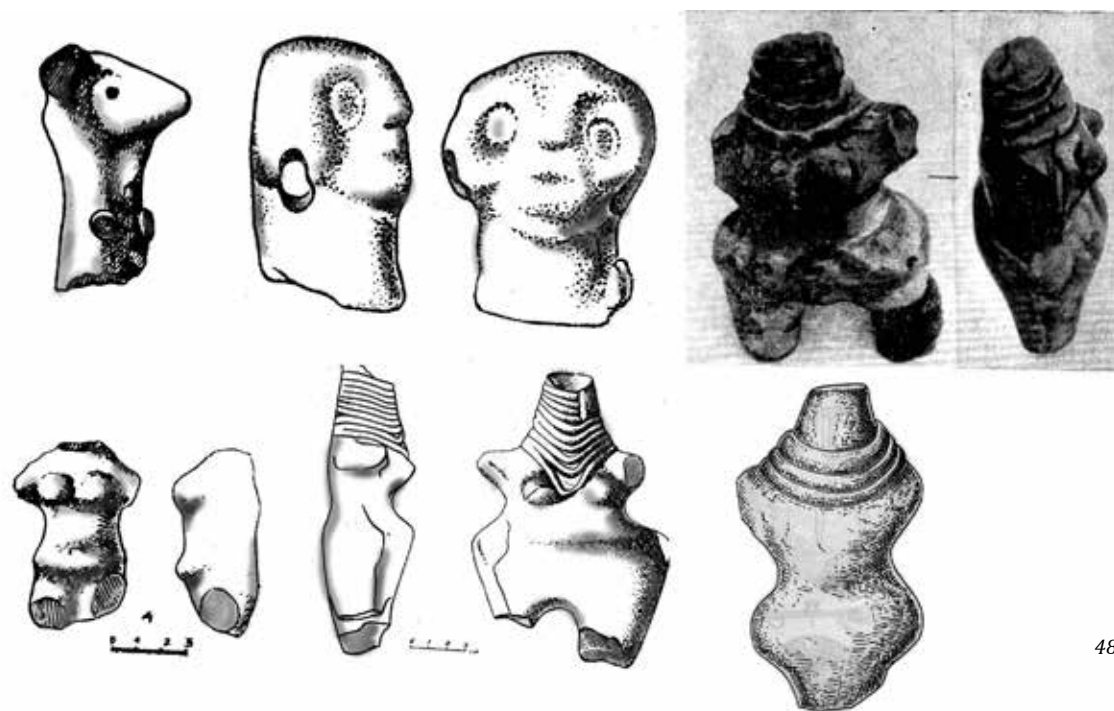
Фигурки мелкого рогатого скота известны в других памятниках эпохи бронзы, найденных на территории Азербайджана. Среди них пять фигурок барана. Особый интерес представляют две фигурки барана из Гюнештепе. У одной отбиты задние ноги. Сохранившаяся часть другого рога – закручена. Курдюк обозначен комковидным выступом (часть его отбита). Цвет – серый, обжиг – хороший. У второй фигурки отбиты голова и три ноги. Также имеется комковидный выступ, обозначающий курдюк.

Одна фигурка барана известна из поселения Узунтепе. Ноги и один рог ее отбиты. Голова формована стилизованно. Сохранился закрученный рог. Фигурка – небольшая, длина – 2 см, высота – 1 см.

Известны две фигурки овцы из раскопок на поселении Акстафачай и Мишарчай. От первой частично сохранились голова и туловище. Уши показаны маленькими лепными выступами.

Особо стоят две фигурки лошади из Гюльтепе. У одной отбиты кончики передних ног. Морда длинная и плоская. Уши – вертикальные. Спина немного вогнута, задние ноги вытянуты назад, под хвостом углубление. Животное изображено в движении. Изготовлена фигурка из светло-желтой глины, не обожжена.

У второй фигурки лошади голова и задние ноги отбиты. Возможно, на спине было изображено седло, от которого остался лишь след. Передняя часть формована очень выпукло. Промежуток между ногами

48. Глиняные фигурки.
Габала. I-III века.

плоский и широкий. На поверхности передних ног на расстоянии 1 см проткнуто два отверстия.

В Гюльтепе, Бабадerviш и Гюнештепе найдены фигурки собак. Две фигурки собаки с отбитыми головками происходят из Гюльтепе.

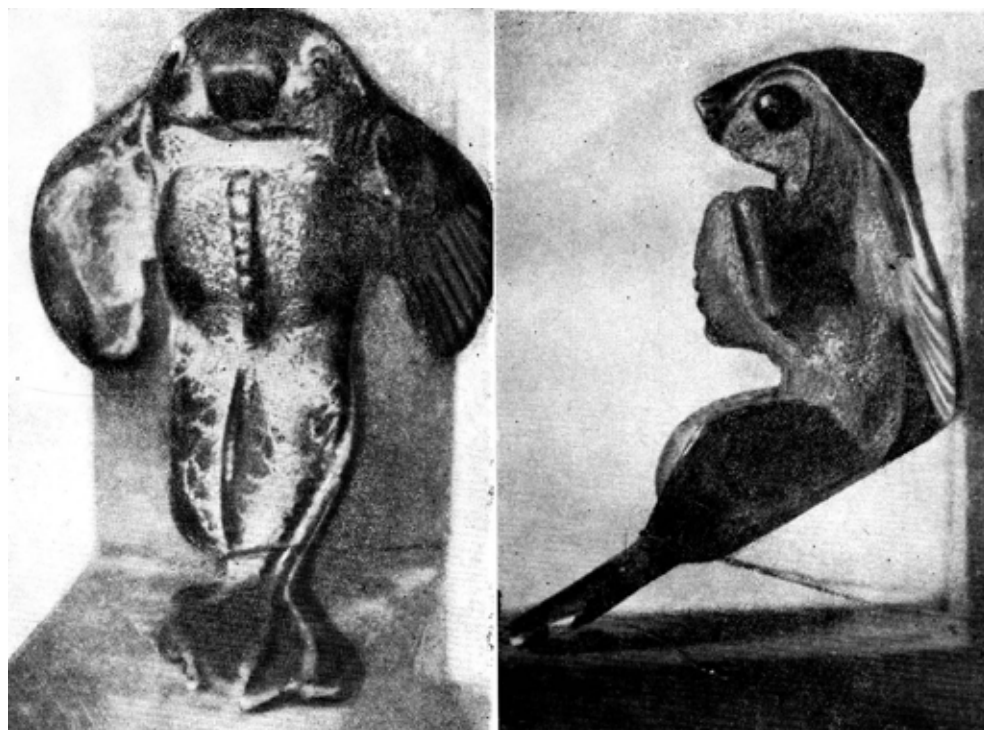
Фигурка собаки из Бабадerviша с отбитой головой и передними лапами. Хвост обозначен направленным выступом. Изготовлена из серой глины, поверхность покрыта черной краской. Следует отметить, что в Азербайджане это единственная фигурка животного, окрашенная в черный цвет.

Фигурка собаки из Гюнештепе сильно повреждена. Часть головы и три ноги отбиты. Голова приподнята кверху. Обожжена, серого цвета.

Интересна фигурка птицы, найденная при раскопках Талыш-Муганской археологической экспедиции на поселении Мишарчай на глубине 5,4 м. По внешнему виду – приподнятым крыльям и открытому клюву – она больше всего напоминает петуха. Фигурка полая. Глаза обозначены мелкими точками. Высота – 7,5 см.

Ареал распространения фигурок животных эпохи энеолита – ранней бронзы обширен (Передняя и Средняя Азия, Юго-Восточная Европа, Балканы). На поселениях Закавказья, территории Армении и Грузии преобладают изображения быка.

Так, в Армении на поселении Арич, Мехраблур, Шенгавит, Джрасвит и ряде других памятников периода ранней бронзы найдено много глиняных фигурок, изображающих домашних животных. Особый интерес представляют фигурки быка из Гюльтепе вблизи Эчмиадзина. Они ана-

49. Зооморфная скульптура.
Ханлар. III-IV века.

логичны фигурам с поселения Кюлтепе вблизи Нахчывана. У большинства фигурок бычков из Шенгавита на шее имеется отверстие. По С.А. Есаяну, такие отверстия на шее или других частях тела фигурок имеются и на экземплярах, изображающих разных животных. Однако автор не указывает, какие это животные. Изучение же материалов доказывает, что отверстия на шеях наносили только на фигурках быков (34, 49). Обнаруженные в местечке Марлик (Южный Азербайджан) подобные фигурки позволяют совершенно однозначно говорить о том, что отверстия на шеях быков связаны с тем, что они изготавливались запряженными в плуг. С.Н. Бибиков связывает это с ритуальными целями и обрядом жертвоприношения (25, 102).

Фигурки, схожие с изображениями бычков с поселений эпохи ранней бронзы Азербайджана, обнаружены в Триалети, Амиранис-Гора и других памятниках Грузии. Фигурки с поселений Грузии изображают крупный рогатый скот. Все они слабо обожжены, очень сходны с фигурками бычков из Гюльтепе.

Основные черты зооморфных фигурок Закавказья: маленькие размеры, грубое изготовление. Оформление рогов бычков в виде полумесяца – астрального знака.

Определенное сходство с охарактеризованными фигурками (прежде всего, в маленьких размерах и реалистическом изготовлении) наблюдается с фигурками эпохи энеолита Средней Азии (Муллалитепе, Геоксюр, Ялангачтепе).

Статуэтки быков обнаружены и в слое поселений Гейтепе вблизи оз. Урмия. На шеях фигурок этих быков, как и на фигурках из Гюльтепе, есть отверстия. Отметим, что фигурки быка с отверстиями на шее известны также из поселения Алишар-Хуюк на территории Турции.

Как видно, территория распространения фигурок быков была очень обширной – она охватывала многие древние земледельческие поселения Закавказья, Средней Азии, Малой Азии, Балкан, Украины и Юго-Восточной Европы. К тому же изображения из разных мест обнаруживают определенное сходство.

Второе место по численности принадлежит фигуркам, изображающим домашний мелкий рогатый скот. Из памятников эпохи ранней бронзы Азербайджана они представлены в основном фигурами баранов и козлов. По внешнему виду и отдельным особенностям они имеют сходство с фигурками, найденными в ранних земледельческих поселениях за пределами Азербайджана.

Характерно, что все описываемые фигурки животных, обнаруженные в различных местах, имеют те или иные схожие черты. Так, это наблюдается в строении туловища и головы. Несмотря на грубость изготовления, фигурки баранов и козлов трактованы реалистично. Древний скульптор старался показать характерные особенности каждого животного: загнутый рог барана, бороду козла, безрогую фигурку овцы и т.д. Кроме того, часто фигурки сформированы таким образом, что передают животных в движении.

Итак, сделаем некоторые предварительные выводы о пластике Азербайджана эпохи энеолита и бронзы. В это время в Азербайджане впервые появляются статуэтки человека и животных. Человеческие фигурки, как правило, изображают женщину, играющую значительную роль в хозяйственной жизни. По форме и иконографическому стилю они схожи со статуэтками Передней и Средней Азии. Таким образом, проявляется взаимное влияние культур племен, населяющих разные географические регионы.

Терракотовые статуэтки памятников эпохи бронзы в основном не отличаются от предыдущих. Однако в этот период появляются мужские статуэтки, что связано с преобладанием роли мужчины в обществе.

Фигуры животных эпохи энеолита и бронзы, часто, изображают домашних животных – быка, козла, лошадь, собаку и свинью. Они изготовлены грубо, но реалистично. Их изготовление указывает на ту важную роль, которую играли эти животные в повседневной жизни древнего населения Азербайджана. Они дают представление также о доместикации данных животных.

Наконец, можно заключить, что терракотовые статуэтки, изображающие человека и животных, были связаны с определенными культами божеств, покровительствующих земледелию и скотоводству, о чем было сказано в первой главе настоящего исследования.

Среди глиняных скульптур, собранных из памятников Азербайджана эпохи раннего железа, имеются статуэтки человека и фигурки, изображающие животных. Несмотря на сравнительную малочисленность этих находок, они позволяют высказать определенное мнение относительно особенностей искусства мелкой пластики, широко распространенной и в эпоху железа. В основном они представлены ста-

50. Бронзовые фигурки оленя.
Нахчыван, Мингячевир,
Шабран. I тыс.-летие до н.э.

туэтками, изображающими человека, животных, а также образцами художественной керамики со скульптурными изображениями человека и животных на их поверхности.

На сегодняшний день из памятников Азербайджана, относящихся к эпохе раннего железа, известна одна статуэтка человека. Она происходит из погребения типа каменного ящика Гедабекского района. Высота человеческой статуи около 1 м, что больше всего привлекло внимание ученых. Здесь следует отметить, что, если высота действительно была около 1 м, то ее следует считать уникальной находкой для Азербайджанской пластики этого периода. Такие большие статуи изготавливались в более поздние периоды, но не из глины, а из камня. Среди глиняных скульптур пока статуй такого большого размера не обнаружено.

Кроме вышеуказанных имеются еще две статуэтки, датируемые примерно VI-V вв. до н. е. Одна из них найдена в Гяндже и хранится в Государственном историческом музее. От статуэтки сохранилась часть выше плеч. На голове – остроконечный головной убор с разбитым кончиком. На лбу – ниспадающие из-под головного убора пряди волос. Толстые усы и остроконечная борода, глаза – крупные, миндалевидные. Статуэтки изготовлены из хорошо очищенной глины и обожжены. По размерам сохранившейся части можно приблизительно определить, что она была довольно крупной: высотой 33-40 см (высота сохранившейся части – 11 см. Наибольшая ширина лица – 5 см. Первое описание этой головы дано Е.И.Крупновым, считающим, что она изображает мужчину, чертами лица и особенно головным убором и бородой напоминающего скифа (39, 370-371).

Е. И. Крупнов некоторые черты лица и головной убор описываемой статуэтки сравнивает с изображением скифа на электроном сосуде из кургана Куль-Оба, отмечая их сходство. При земляных работах в пос. Амираджаны была найдена головка фигуры, изображающей мужчину, описанная С.Б.Ашурбейли. Автор считает, что она напоминает скифа.

51. Бронзовые головки быка.
Южный Азербайджан.
II тыс.-летие до н.э.

Статуэтка, формованная как бюст, изображает пожилого мужчину. Черты лица переданы реалистично: длинная борода, закрученные усы, большой нос и толстые губы. Врезной линией обозначены брови, глаза – большие, миндалевидные. Голова покрыта башлыком, кисти рук изображены у плеч, толстой веревкой привязаны к талии, обозначенной двумя выпуклыми линиями. Высота сохранившейся части – 4,5 см, ширина – 2,5 см (22, 394).

По С.Б.Ашурбейли, эта статуэтка относится к периоду до нашей эры. Интересно, что между мужской фигуркой, которую Е.И.Крупнов считает изображением скифа, и фигуркой из Амираджан имеется сходство, прежде всего, в реалистическом изображении черт лица. Единственное различие между ними в головных уборах.

Нам представляется, что сходство по некоторым чертам лица или наличие следов скифской культуры на территории Азербайджана не дают основания считать эти статуэтки изображением скифов. Во-первых, антропоморфные изображения подобного типа для скифов не характерны. Рассмотрение свидетельства о скифских божествах и религиозной изобразительной традиции, представленной в памятниках скифского искусства и культа, показывает характерное для скифской религии эпохи племенных объединений явление – процесс консолидации родоплеменных культов и выделение пантеона, в котором главенствуют божества «царского» племени.

Во вторых, на территории не только Азербайджана, но и всего Закавказья подобные статуэтки не встречались. В период эпохи железа в Азербайджане больше всего встречаются фигурки животных, хотя нет ни одной, сохранившейся полностью. Это изображения домашних животных, в основном, быка, лошади, овцы.

В погребении типа каменного ящика Кедабекского района найдена голова быка. Кончики рогов отбиты, ноздри обозначены вмятинами. Рот

52. Бронзовая фигурка рыбы. Баку. I тыс.-летие до н.э.

обозначен полоской с гранью с небольшим углублением посередине. Внизу имеется плоский поддон. На широком лбу изображен треугольник, между рогами вскрыто отверстие диаметром в 4,7 см. Особый интерес представляет маленькая головка быка, выявленная раскопками в Мингячевире в 1947 г. Она хорошо обожжена и покрыта тонким золотым листом. Рога

отбиты. На лбу изображены соприкасающиеся треугольники. Глаза обозначены кругами, несоответствующими размерам фигурки. Над носом проведены пересекающиеся прямые линии. Высота головки – 3 см, ширина – 2 см. По технике изготовления эта фигура на территории Азербайджана уникальная. Фигурки животных и птиц, изготовленные из различных материалов, в том числе из бронзы, серебра и золота, встречаются нередко, но глиняная фигура, после обжига покрытая листовым золотом, обнаружена только один раз.

Среди глиняных фигурок животных особое место принадлежит фигуркам барана. В отличие от периодов энеолита и бронзы в эпоху железа целые фигурки барана не встречаются. Как видно, в искусстве стран Востока появилось новое направление – изображение части вместо целого. Древний Азербайджан, поддерживающий культурно экономические связи с народами ряда стран, не мог остаться в стороне от этого направления.

Следующий после эпохи железа период в истории Азербайджана именуется албанским. Важные изменения, происшедшие в это время в жизни населения Азербайджана, отражены как письменными источниками, так и многочисленными скульптурными памятниками.

Обнаруженные памятники этой эпохи позволяют в этой культуре определить два хронологических периода: VI-V вв. до н. э. и I в. до н.э. – III в. н.э. В это время в искусстве на основе древних традиций появляются инновации, местное искусство совершенствуется, развивается искусство пластики. Н.И.Рзаев, систематизируя произведения пластики, найденные на территории Кавказской Албании, разделил их на скульптуру и надгробные памятники (57, 172).

Искусство пластики по сравнению с предыдущими периодами распространяется на более обширной территории. В албанский период население Исмаиллы, Шамахи, Мингячевира, Габалы, Гейчай и ряда других районов изготовляло статуэтки человека и фигурки животных из глины и других материалов для совершения культовых обрядов.

Образцы пластики этого периода отражены в исследованиях Н.И.Рзаева, Т.И.Голубкиной и др. авторов. Статуэтки человека и фигурки животных в той или иной степени затронуты и рядом других ученых. Но классификация этих находок, цели их изготовления, как и ряд других вопросов, еще полностью не освещены. По технике изготовления, различия в форме и особенностям стиля украшений исследуемые произведения пластики

53. Бронзовая фигурка птицы.
Човдар. Дашкесан.
I тыс.-летие до н.э.

весьма различаются. Поэтому подробно остановимся на каждом в отдельности.

Значительное количество глиняных статуэток собрано при раскопках в Мингячевира. Всестороннее их исследование позволяет судить о социально-экономических и культурных изменениях, происходящих в жизни общества в различные исторические периоды. Статуэтки из Мингячевира, по форме, стилю и условиям находок существенно различаются. Статуэтки человека в основном происходят из кувшинных погребений, гончарных обжигательных печей и поселений.

Одна из статуэток женщины происходит из кувшинного погребения, ее голова, руки и ноги отбиты. Четко обозначены тонкая талия, выпуклые груди и мощные бедра. Талия с одной стороны охвачена поясом. Шею украшают 10 рядов лепных ожерелий, спиралевидно расположенных. Две нитки украшений, спадающие с плеч на груди, орнаментированы насечками. Из междугрудья на живот опускается лепное украшение в форме буквы «Л», вероятно, обозначающее подвеску. В нижней части живота, в районе паха на лепными точками образован круг. Символическое изображение детородного органа напрашивается на аналогию с солнцем. Такая откровенная параллель детородного органа женщины и солнца исходит из идеологических представлений, в которых оба эти начала связаны с рождением жизни, ее плодородием. По остаткам рук можно предположить, что они были распростерты.

На другой статуэтке женщины из кувшинного погребения также отбиты голова, ноги и руки. На сохранившейся части тела следы точечных линий, проходящих по бедрам и животу. И здесь мы имеем дело с

54. Терракотовая скульптура.
Гызылванк. Нахчыван.
III-VII века.

выполнением обряда увеличения плодородия на фигурке богини-матери. Маленькими кружочками обозначены пупок и половой орган. Талия у статуэтке тонкая, бедра очень широкие.

Статуэтка женщины из другого кувшинного погребения отличается от всех найденных в Мингячевире по способу изготовления. Фигурка слеплена в виде женского бюста: вместо ног плоское основание. Голова и руки отбиты. Длинная шея украшена тремя рядами лепных полосок, вероятно, обозначающих ожерелья. Грудь обозначены маленькими выступами. По оставшимся фрагментам рук можно определить, что они были протянуты вперед. На уровне груди на каждом плечике прилеплены мелкие точки.

В статуэтке мужчины из кувшинного погребения ноги и руки отбиты. По остаткам ног и рук можно определить, что человек был изображен стоящим с поднятыми вверх руками (поза молитвы). Голова стилизована – ее изображает повязка, обмотанная вокруг шеи. На плечах – лепное украшение. Некоторые признаки внешнего вида позволяют определить, что это изображение мужчины.

Статуэтка женщины. Ноги и руки отбиты. Голова обозначена крючковидным выступом. Длинная шея с одной стороны украшена двумя рядами ожерелий. Мелкими углубленными точками обозначены грудь, пупок и половой орган. Талия опоясана желобом, что подчеркивает ее тонкость. По сравнению с другими статуэтками, найденными в Мингячевире, данная статуэтка отличается грубостью изготовления.

В аналогичной статуэтке также сохранилось только туловище. Руки и часть туловища ниже пояса отбиты. Длинная по сравнению с туловищем шея украшена двумя рядами лепных украшений, орнаментированных точками. Из очень крупных грудей сохранилась одна.

Еще две статуэтки изготовлены в виде бюста. У первой из них округлая, очень длинная шея. В отличие от предыдущих, ее руки обозначены по бокам туловища процарапанными линиями. Шея украшена 13 спиралевидными лепными полосами, изображающими ожерелье. Голова обозначена маленьким выступом в конце шеи. Лицо – плоское, глаза обозначены двумя точечными углублениями.

Одна из женских статуэток из кувшинных погребений изготовлена схематично. Голова и руки обозначены небольшими выступами. Грудь – маленькие. У кончика шеи прилеплена глиняная повязка. Талия – тонкая, охвачена повязкой. Ноги отбиты до основания.

Еще у одной фигурки голова, руки и правая нога отбиты. Тонкая талия охвачена широким поясом. Имеет грудь и бедра на ширине плеч. Шея по сравнению с туловищем очень длинная, украшена рядами лепных украшений. На сохранившейся части шеи имеются следы мелких точек, вероятно обозначавших бусы. При обжиге приобрела серый цвет, а затем была покрыта белым ангобом. Талия – тонкая, часть ниже пояса формована выпукло.

Следующая статуэтка, по сравнению с предыдущими, сохранилась неплохо. Хотя голова и левая рука отбиты, можно определить первона-

55. Терракотовая
фигурка.
Хыныслы.
Шамаха. I-II века.

чальную форму. Груды и бедра формованы очень выпукло. Ноги раскрыты на ширину плеч, руки вытянуты вбок перпендикулярно к туловищу. Никаких украшений нет.

На голове другой статуэтки обозначены четыре ряда кос, на висках – пряди волос, сзади которых сквозное отверстие. На голове имеется повязка, а на шее 6 рядов лепных украшений.

Следующая статуэтка изготовлена в виде бюста с плоским, несколько вогнутым вовнутрь основанием. Вместо рук по бокам прилеплены спиралевидные выступы. Сзади до середины тела ниспадают пряди волос, украшенные точками. Статуэтка при обжиге приобрела серый цвет и была покрыта белым глиняным раствором.

Имеется статуэтка, изображающая мужчину с целиком отбитой левой стороной. Шея и правая рука окружены глиняными лепными палочками, которые на шее перекрещиваются, а на руках расположены параллельно. На талии обозначен широкий пояс, спереди и сзади отколовшийся.

От другой статуэтки, изображающей мужчину, сохранилась только голова, верх которой отбит. Вокруг головы вертикальными врезными линиями переданы волосы, сзади ниспадающие. Уши обозначены углублениями, брови и переносица несколько выпуклые, лоб – покатым. Глаза обозначены симметрично расположенными углублениями. Лицо и нос – удлиненные, рот обозначен круглым углублением. Несколько удлиненная челюсть, округленная, снабжена ямкой. На шее остались следы от лепных полосок.

Среди найденных в древней Шамахе статуэток также имеются изображения женщин. Они различной величины, отличаются по формам, технике изготовления и внешнему виду.

Терракотовые статуэтки женщин известны и из античной Габалы. Большой интерес представляет женская статуэтка из с. Шамлы. Ее голова, руки и ноги отбиты, но по их остаткам можно определить первоначальный вид. Груды – выпуклые, талия – тонкая, бедра – широкие. На шее имеется украшение, обозначающее ожерелье. Высота сохранившейся части – 11 см, ширина бедер – 8,5 см, талия – 6,5 см, диаметр шеи – 4 см, расстояние между выступающими грудями – 2,5 см. Вместе с другими находками статуэтка приблизительно датируется I в. до н.э. – I в. н.э.

Вторая статуэтка найдена в Габале в 1974 г. Сохранность плохая, голова, ноги и руки до основания отбиты.

Имеет тонкую талию и груди, обозначенные выступами. Высота сохранившейся части – 5,5 см, ширина плеч – 4 см.

От другой статуэтки, найденной в Габале в 1978 г., сохранилось только туловище, одна нога отбита до основания, другая – наполовину. Талия охвачена лепным поясом, сзади отколовшимся, орнаментированным маленькими кружочками и выпуклыми точками, что имитирует металлический пояс. Спереди обозначен женский половой орган.

В последние годы при раскопках античной Габалы обнаружены еще две терракотовые статуэтки. Первая представлена головкой от женской статуэтки. Интересно, что на ней прослеживаются зооморфные черты. Вторая представляет собой изображение обнаженной женщины. Руки, ноги и голова отбиты. Грудь резко выражена. На шее одиннадцать рядов ожерелий. Бедра – широкие, талия – узкая. Обе статуэтки относятся к концу I в. до н.э. – I в. н.э.

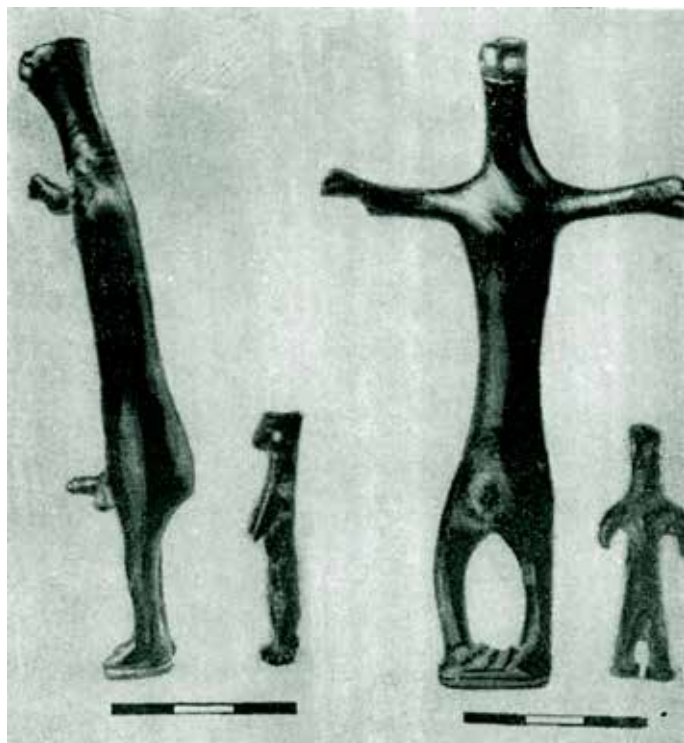
Среди образцов материальной культуры, случайно найденных на территории Гейчайского района, имеются и глиняные статуэтки человека. Две из них находятся в археологическом фонде Института истории НАН Азербайджана.

Одна изображает женщину. Голова, руки и часть тела ниже талии отбиты. Крупные груди и лепные украшения на тонкой талии имеют выпуклую форму. Лентовидные лепные украшения, начиная с шеи, спускаются до уровня плеч. Шея украшена ожерельем, а между грудями имеется подвесное украшение. Статуэтка изготовлена из высококачественной глины без всякой примеси.

Вторая женская статуэтка сохранилась очень плохо: правая сторона целиком, голова, руки и ноги отбиты. Формована грубо. В отличие от первой не имеет украшений. Грудь крупные, выпуклые. Спереди поверхность сглажена, сзади оставлена в грубом виде.

Большое количество глиняных статуэток женщин обнаружено в Исмаиллинском районе у села Молла-Исаклы. Все обнаруженные здесь фигурки изображают обнаженных женщин. Идеологическое содержание этих фигурок восходит к древнему культу плодородия и богини-матери, символизировавшей само плодородие. Почти все фигурки обнаружены в развалинах поселений. Наиболее часто фигурки обнаруживались в районе расположения очага, что еще раз подтверждает их магическое значение хранительницы очага и плодородия. Здесь уместно вспомнить, что очаг всегда являлся самым священным местом в доме предков азербайджанцев.

56. Бронзовая фигурка человека. Ибрагим-Гаджилы. Товуз. I тыс.-летие до н.э.

Немало подобных фигурок обнаружено закопанными у порога жилища, что объясняется желанием сохранить плодородие и достаток (guzi) в пределах дома.

Все эти фигурки очень маленьких размеров (их высота не превышает 12 см), выполнены из обожженной глины и зачастую носят на себе следы совершения над ними магического ритуала преумножения плодородия и достатка. Точечные наколы и налепы в области груди, живота и бедер подтверждают сказанное. Исследователь Н. Рзаев считал, что эти налепы могли иметь апотропическое (оберегательно-посвятельное) значение.

Анализ формальных свойств Молла-Исаклинских фигур позволяет говорить о том, что здесь были распространены два культа, связанных с образом женщины. Первый культ связан с матерью, дарующей и сохраняющей плодородие и достаток, второй же связан с культом девы, символизировавшей пробуждающееся плодородие, т.е. потенцию плодородия. Отсюда и наличие двух типов скульптур – изображающих женщину и девушку.

Образы зрелых женщин представлены скульптурками женщин с массивными бедрами и большими грудями. Девичьи скульптурки изображают утонченных девушек с тонкой талией.

Надо сказать, что у абсолютного большинства обнаруженных в Молла-Исаклы женских фигурок отсутствуют ноги, руки и головы. Это явление уже длительное время является предметом научной дискуссии. Преобладает мнение о том, что эти части фигурок обламывались в результате совершения магического обряда направленного на увеличение и сохранение плодородия. Существует точка зрения, согласно которой руки и ноги фигурок обламывались по завершении ритуала, чтобы плодородие не покинуло дом (С.Назирова). Нам представляется, что этот феномен имеет простое объяснение – у фигурок отломаны наиболее выступающие части фигур, что объясняется их слабым обжигом (на домашнем очаге) и давлением оседающего грунта, в котором все они найдены. Надо отметить, что в Азербайджане обнаружены и целые фигурки (как, например, в Шеки. Здесь же в Молла-Исаклы в одном из жилищ обнаружена отдельная голова фигурки. Думаем, что сознательное «членовредительство» над этими культовыми фигурками было бы кощунством по отношению к тому культу, который и породил эти скульптуры.

Пластические свойства фигурок говорят о том, что все они выполнены в стилизованной ма-

57. Бронзовая фигурка.
Амираджаны. Баку.
Античный период.

нере, для которой реализм пластики и пропорций был весьма условен. Их формально-пластические показатели говорят о том, что существовал некий канон выполнения этих фигурок, характерный для данного региона. На это указывает и сравнение канонов лепки фигур, обнаруженных в Габале, Молла-Исаклы, Физулинском районе, Шеки-Закатальской зоне.

В с. Бедир-гала Кусарского района найдена одна женская статуэтка в форме бюста, имеющая лепные украшения.

Значительное количество мелкой антропоморфной пластики, изображающей как мужчин так и женщин, обнаружено в Южном Азербайджане – в местечке Марлик (77, 128-133). Выполненные из глины и слабо обожженные марликиские скульптуры обнаружены в могильниках XI-X веков до н.э. и связаны с обрядом погребения и жертвоприношения. Марликиские фигурки также изображают обнаженных мужчин и женщин. Разница лишь в том, что на поясах мужских статуэток имеются изображения оружия (в частности – кинжалы). Половой признак марликиских фигурок подчеркнут гипертрофированным половым органом. Портретные характеристики фигурок начисто отсутствуют, здесь мы имеем дело с отвлеченными образами-символами мужского и женского начала, обеспечивавшими продолжение жизни в загробном мире.

В Южном Азербайджане обнаружены и глиняные статуэтки обнаженных женщин, связанных, как и в Северном Азербайджане – с культом плодородия (богини-матери). Оригинальным образцом подобной скульптуры является фигурка, обнаруженная в местечке Амлаш недалеко от Равандуза. Типологические черты этой фигурки идентичны с ее аналогами в Северном Азербайджане, отличия касаются пластической формовки фигурки, в которой налицо монументализирующие признаки. Несмотря на это, здешние мастера больше внимания уделяли лицу, прическе и аксессуарам своих фигурок. Художественный канон, по которым выполнена эта скульптура, восходит к шумерским образам богини плодородия, отражая при этом местный антропологический тип женщины.

Аналогию между Южно-азербайджанскими и Северно-азербайджанскими скульптурами можно проследить и на примере мужских статуэток из Марлика и фигурки, обнаруженной в селении Ибрагим-Хаджилы (Таузского района). И здесь фигурка датируется эпохой позднего железа – это изображение мужчины с вытянутыми руками и гипертрофированным фаллосом, свидетельствующим о наличии мужского культа.

Из памятников Азербайджана албанского периода происходит значительное количество глиняных фигур, изображающих животных, которые были распространены на той же территории, где выявлены статуэтки человека: в Мингячевире, Шамахе, Исмаиллы, Габале и др. Большинство же фигурок происходит из культурного слоя Мингячевира, относящегося к изучаемому периоду.

Фигурка животного найдена в 1952 г. на поселении №3. Изготовлена очень грубо. Голова, хвост и одна нога отбиты. По внешнему виду напоминает собаку.

Фигурка козла найдена в 1950 г. Задние и одна передняя нога отбиты. Маленькими выступами обозначены рога, хвостик слегка загнут вверх.

Фигурка барана найдена в 1956 г. на глубине 1,55 м. Хвост, задние ноги и рога отбиты.

Фигурка животного найдена в 1952 г. на поселении №2 на глубине 2,2 м. Голова и задняя часть отбиты. Сохранилась только одна передняя нога. Туловище длинное и непропорциональное. По внешнему виду напоминает дикого кабана. Цвет глины – сероватый.

Головная часть фигурки оленя найдена в 1953 г. на глубине 4 м. Половина ветвистых рогов отбита. Крупными налепными пуговками обозначены глаза, с точечным углублением изображен зрачок. Рот открыт, нос обозначен отверстиями. Уши показаны маленькими выступами. Шея сравнительно толстая.

Фигурка животного найдена в 1952 г. на поселении №2 на глубине 2 м. Голова, задние и одна передняя лапа отбиты. По направлению оставшейся части можно предположить, что хвост был загнут вверх. Сохранившаяся передняя лапа направлена в сторону. Вероятно, фигурка изображала собаку, сидящую на задних лапах.

Фигурка животного найдена в 1947 г. Туловище квадратной формы, ноги отбиты до основания. Круглыми лепешками обозначены уши, нос значительно выступает вперед. Последний признак позволяет предположить, что фигура изображает свинью. На задней части имеется маленькое отверстие.

Фигурка собаки найдена в 1949 г. Сохранилась сравнительно хорошо. Имеет вертикальные уши, кончик одного отбит. Лапы и хвост длинные. Пасть открыта.

Фигурка животного найдена в 1952 г. На поселении Судагылан. По внешнему виду отличается от всех фигур животных, найденных в Мингячевире. Задние ноги и хвост отбиты. Выступом, загнутым вверх наподобие хвоста, обозначена голова.

Фигурка козы – единственная среди найденных в Мингячевире, сохранившаяся почти целиком, отбит лишь кончик одного рога. Ноги расставлены широко. Хвост, обозначенный маленьким выступом поднят вверх. Под хвостом два расположенных друг над другом отверстия. Глаза обозначены маленькими углублениями. Фигура изготовлена из глины желтого цвета.

Фигурка козла, в отличие от предыдущих, изготовлена очень грубо. Три ноги, рога и кончик вертикально поднятого хвоста отбиты. Нос обозначен отверстием, уши висят. Несмотря на грубое изготовление, фигурка оригинальная. Животное как будто изображено в движении.

Фигурка животного найдена в 1950 г. Изготовлена схематично. Отличается от всех исследуемых фигур животных. Ноги и хвост отбиты. Хотя голова формована в виде головы птицы, туловище напоминает животное. На шее прилеплены глиняные пуговицы непонятного назначения. Глаза фигурки обозначены большими лепешками.

Фигурка барана найдена в 1950 г. Передняя левая нога и рога отбиты. Привлекает внимание оригинально формованная головка. Сохранилось одно ухо. В отличие от предыдущих фигур хвост опущен вниз.

Фигурка животного, найденная в 1948 г., по внешнему виду напоминающая черепаху. Голова и передние ноги отбиты. Изготовлена из светло-желтой глины.

Фигурка животного. По внешнему виду напоминает ящерицу, задняя часть (хвост) отбита.

Фигурка животного найдена в 1952 г. На поселении №2, на глубине 1 м. По внешнему виду необычна – спереди имеет две ноги, а сзади – одну. Под хвостом углубление треугольной формы. На морде острый нос. По внешнему виду можно определить изображение дикого кабана.

Среди терракотовых фигур Мингячевира имеются и птицы. Одна из них изготовлена в форме вазы. Средняя часть – круглая, украшена лепными пуговками. Скорее всего мастер хотел изобразить петуха. Хвост показан вертикальным выступом. Головная часть формована оригинально, имелся клюв и гребень, который отбит.

Значительное количество фигурок животных найдено и в Шамахе. По внешнему виду, особенно по отдельным элементам, они отличаются от Мингячевирских. В основном это изображения домашних животных:

Фигурка животного найдена в 1968 г, на глубине 1,3 м. Ноги до основания и одна сторона вертикально стоящего хвоста отбиты. Вероятно, изображалась охотничья собака. Привлекают внимание свисающие уши, одно из которых отбито до основания.

Другая фигурка животного найдена в 1958 г. в Хыныслы. Правые передняя и задняя ноги, а также рога отбиты. Хвост показан выступом. Задняя часть по сравнению с передней передана более выпукло. По внешнему виду напоминает барана.

Еще одна фигурка животного найдена в 1971 г. Ноги, хвост и нос отбиты. По форме ушей можно определить изображение собаки. В отличие от предыдущих двух фигурок, поверхность выровненная, из глины белого цвета, обожжена.

Фигурка животного. Голова, ноги и кончик хвоста фигурки отбиты. На спине лепки формовано седло или попона. Вероятно, фигурка изображает лошадь.

Фигурка животного. Задняя часть отбита, сохранилась голова и передние ноги. По внешнему виду напоминает барана. Уши отбиты, глаза обозначены точечными углублениями.

Фигурка оленя найдена в Хыныслы, в ямном погребении №4. На спине прилеплена ваза с ребристой стенкой. Глаза обозначены точечными углублениями. На туловище с одной стороны расположен один, а с другой – два мелких треугольных углубления.

Несколько фигурок животных обнаружено на территории Исмаиллинского района, по технике изготовления они сходны с фигурками животных, найденными в Мингячевире и Шамахе. В основном они изображают домашних животных, представлены отдельными обломками:

Фигурка животного, найдена с. Молла-Исаклы. Голова и ноги отбиты. Маленьким выступом показан хвост. По внешнему виду можно определить, что это изображение козла.

Обломок фигурки животного, найден в с. Молла-Исаклы. Передняя часть и кончики задних ног отбиты. Хвост показан маленьким выступом. Плохая сохранность не позволяет отождествлять фигурку с определенным животным.

Фигура барана найдена в 1969 г. в с. Молла-Исаклы. Верхняя часть головы, по всей вероятности, вместе с рогами отбита. Нос показан угловидным выступом.

Фигурка лошади найдена в 1969 г. в Молла-Исаклы. Кончик хвоста, уши и нос отбиты. Лепкой изображены седло, спереди и сзади украшенное вертикальными выступами, и нагрудник. Искусно переданный лепным способом ремень проходит сверху седла. Из пасти под челюсти идет лепная полоска, изображающая удила.

Фигурка лошади, найденная на территории Исмаиллинского района у села Шыхдерекеллеси, аналогична с предыдущей фигуркой лошади, за исключением того, что нагрудник отсутствует. На спине изображено закрепленное ремнями седло. На шее лепкой обозначена грива.

Статуэтки человека из памятников Азербайджана албанского периода в количественном отношении более многочисленны, чем находки предыдущих периодов. У фигурок сохранены и усовершенствованы некоторые особенности, характерные для статуэток эпохи энеолита и бронзы. Прежде всего, это проявляется в технике изготовления (все статуэтки формованы от руки лепным способом и очень часто обожжены), в небольших размерах и в иконографии (большинство статуэток изображено стоящими с протянутыми в сторону руками).

Как видно из привлеченного материала, статуэтки албанского периода по своим особенностям обнаруживают некоторую близость со статуэтками эпохи энеолита и бронзы. Прежде всего, это относится к внешним признакам тех и других изделий. В то же время статуэтки албанского периода отличаются большей индивидуализацией.

Среди статуэток албанского периода имеются изображения как женщин, так и мужчин, при этом статуэтки женщин составляют большинство. Мы исследовали 46 статуэток женщин. В каждой отбита какая-либо часть, но ряд признаков – наличие груди, форма бедер, тонкая талия, наличие лепных украшений – позволяет бесспорно определить изображение женщины. И у женских статуэток этого периода между верхней и нижней частями тела обнаруживается несоответствие.

8 статуэток изображают женскую фигуру целиком. Реалистично разработаны все детали тела. Несмотря на то, что часто отбиты голова, руки и ноги, можно полностью представить изображаемую фигуру.

11 статуэток изготовлены схематично. Среди них статуэтки, часть тела которых переданы конусом или крючкообразным завершением шеи. Вместо рук к плечикам прилеплены комки или их изображают процарапанные на боках линии.

На 23 статуэтках женщин имеются украшения на шее, талии, между грудями сохранились их следы. Их выполняли после формовки статуэтки способом лепки. Украшения представлены шейными ожерельями из бусин, медальонообразными лепными украшениями и поясом. По некоторым признакам статуэтки албанского периода отличаются от статуэток предыдущего времени. Если на шее статуэтки эпохи энеолита и бронзы изображена одна нить ожерелья, то теперь количество нитей составляет 8-10 штук. Сами предметы украшений переданы более тщательно. В этом отношении особое внимание привлекают пояса, изображаемые особо реалистично. Следует отметить еще одну интересную деталь: несмотря на грубое изготовление некоторых статуэток, их украшения переданы изящно и броско. Украшения древних статуэток передавались только лепным способом. На статуэтках албанского периода, наряду с этим способом, возник новый: передача украшений точечными и резными линиями.

Некоторые статуэтки совсем не имеют украшений. Они формованы очень грубо и просто. Обычно они отличаются нарушением соответствия между верхней и нижней частями тела. Но и для них характерны тонкая талия, большие губы и выпуклые бедра.

На одной группе женских статуэток точками или резными линиями передан половой орган. Эти статуэтки различаются по внешнему виду. У всех талия тонкая, бедра выпуклые.

Женские статуэтки данного периода формованы в большинстве в виде стоящей фигурки, иногда в виде бюста. У большинства фигур ноги раскрыты на ширину плеч, руки вытянуты в сторону. Часто голова стилизована – передана крючкообразным выступом. Имеются экземпляры, у которых вместо головы изображена просто длинная шея.

Статуэтки, изготовленные в форме бюста, в памятниках албанского периода составляют меньшинство. Вместо ног у них сформирован плоский поддон. Эти статуэтки коренным образом отличаются от фигур, изображенных стоящими. Правда, у них в большинстве случаев голова стилизована или передана крюковидным выступом. Но основная от-

58. Терракотовые фигурки.
Молла-Исаклы.
Исмаиллы. I-III века.

личительная особенность заключается в отсутствии у этих статуэток рук, или же руки изображены на груди, иногда опущенными вниз, слито с телом.

Среди статуэток Азербайджана албанского периода имеются и статуэтки мужчин, которые по сравнению с женскими малочислены. Нами рассмотрены 10 экземпляров подобных статуэток. По внешнему и иконографическим признакам они отличаются от женских. Среди мужских статуэток, представленных отдельными обломками, имеются две фигурки головы, позволяющие представить черты лица древних албан. Мужские статуэтки представлены стоящими. Как у статуэток эпохи бронзы, талия у них опоясана. Особый интерес представляют две мужские статуэтки: у одной правая нога украшена спиралевидной лепной полоской – повязкой, на плечах второй фигуры прилеплены комки. Эти образцы статуэток представляют большой интерес для определения отличий статуэток албанского и предыдущего периодов. Другой особенностью мужских статуэток является то, что ноги у них всегда изображены раскрытыми, а туловище ниже пояса формовано пропорционально.

Статуэтки человека албанского периода (как мужские, так и женские) всегда очень маленькие. Вероятно, это связано с назначением этих произведений пластики, используемых в ритуалах.

В этот период статуэтки лепились от руки, а затем обжигались. Встречаются и необожженные экземпляры. Обожженные статуэтки по качеству отличаются от статуэток предыдущей эпохи, что связано с появлением гончарных обжигательных печей. Видимо, в этих печах, наряду с посудой, обжигались и статуэтки человека, иногда животных. Это доказывается находкой статуэток в гончарных обжигательных печах в Мингячевире. В связи с обжигом цвет статуэток менялся, приобретал в зависимости от температуры красный, светло-черный, серый и другие оттенки.

Следует отметить, что в определенной степени качество статуэток зависило от состава глины. Большинство статуэток албанского периода изготовлено из хорошо очищенной глины с небольшой примесью для прочности мелкого песка.

Подводя итоги художественно-технического анализа глиняной мелкой пластики Азербайджана доисламского периода, следует признать, что являясь частью культовых обрядов, эта пластика содержала в себе эстетические принципы и художественные каноны своего времени.

Антропоморфная и зооморфная глиняная скульптура, наряду с бронзовой и каменной, занимает важное место у истоков азербайджанской скульптуры.

ГЛАВА III

ДЕКОРАТИВНАЯ И СИМВОЛИЧЕСКАЯ СКУЛЬПТУРА НА КУЛЬТОВЫХ ПРЕДМЕТАХ, УКРАШЕНИЯХ И ДОМАШНЕЙ УТВАРИ

Скульптура как вид пластического искусства в доисламской эпохе Азербайджана имела широкое распространение не только в видовых пределах собственно изобразительного искусства, но и зачастую выступала в качестве прикладного или символического элемента на различных предметах домашней или культовой утвари. Независимо от того, обладала ли эта скульптура прикладной или символической функцией, она отражала пластическое мышление и традиции, накопленные собственно скульптурой. Исходя из этого, декоративная

59. Керамический зооморфный сосуд.
Мингячевир. II тыс.-летие до н.э.

и символическая скульптура на керамике, металле, украшениях существенно дополняют наши представления о развитии и формировании скульптурных традиций доисламского времени.

Тотемистические и анимистические представления этой эпохи явились той питательной средой, которая и предопределила синтез зооморфных и антропоморфных скульптурных образов с предметами каждодневного обихода. Как отмечает исследователь Максимова Е.М., «Анимистические представления с особой силой воздействовали на развитие фигурной керамики...» (47, 3).

Надо сразу же оговориться, что присутствие скульптурного декора на керамике и металле, а также придание скульптурных форм самим предметам чаще наблюдается на культовой керамике и предметах, обнаруженных в могильном инвентаре. Подавляющее большинство этих предметов, конечно же, отражают религиозно-идеологические представления их создателей.

Сравнительно меньше предметов, на которых скульптурные налепы выступают в качестве элементов декора. В этом случае, как правило, скульптурные образы стилизуются, превращаясь в орнаментальный декор, который отражает не только эстетические вкусы, но и идеологические ценности в отвлеченно-символических формах и, наконец, пластические традиции и каноны данной эпохи или региона.

Наиболее многочисленной группой предметов, в которых скульптура является неотъемлимой ее частью, являются керамические сосуды. Скульптура на керамических сосудах присутствует как в формах самого сосуда, так и в виде налепов, которые видны на носиках сосудов, их горловине или же ручках.

Наиболее ранние образцы керамики с элементами скульптуры датируются эпохой бронзы. Присутствие зооморфной скульптуры на керамике и металле этого времени связаны с распространением тотемистических верований на данной территории. Представление о прикладной скульптуре этого периода можно составить по образцам ритуальной посуды, обнаруженной в погребениях. Одним из подобных образцов является чаша из Мингячевира, вырезанная из туфа и инкрустированная серебряными гвоздями-заклепками.

60. Керамический зооморфный сосуд. Зивие. Южный Азербайджан, IX-VIII вв. до н.э.

Смысловой и художественной доминантой всей композиции являются две резные головки баранов с соединенными рогами, выступающие из борта чаши. Парные головки баранов выполнены стилизованно без мелкой детализации форм. Соединенные рога баранов, их абсолютная симметрия указывают на дуалистический характер мировоззрения авторов и пользователей этой чаши. Подобное парное или симметричное расположение головок баранов встречается и в орнаментальных декорах посуды этого периода.

Синтез зооморфной и антропоморфной скульптуры на керамике Азербайджана наблюдается в конце эпохи бронзы и начале эпохи железа. Подобный образец культовой посуды обнаружен в Южном Азербайджане (Хасанлу) экспедицией американского Археологического Института, возглавляемой Дайсоном (79, 16-27). На трехногом сосуде – триподе имеется скульптурное изображение человека, поднявшего руки в молитвенной позе (адорант). Фигурка изображает мужчину без конкретных портретных черт. На горлышке трипода имеются три скульптурные головки горных туров, сильно выступающие своими мордочками из тулова сосуда. Синтез скульптурной формы с формой сосуда здесь доведен до совершенства. Направление головок животных совпадает с направлением выступающих ножек сосуда. Рога животных, соединяясь с ободком горловины, образуют единую пластическую форму, обогатившую пластику всего сосуда.

Не менее важное место занимала скульптура на металлических культовых и бытовых предметах эпохи бронзы. Мелкие фигурки тотемных животных на таких предметах, наряду с культовой целью, выполняли и декоративные функции. Скульптурная пластическая форма на металле отличалась повышенной декоративностью и условностью. Здесь как, правило, важным было не подчеркнуть характер животного, а представить его как символ или оберег. При таком отношении скульптурный образ обобщался до уровня символа, предполагавшего только узнавание вида животного. Именно по этой причине часто целое изображение заменялось лишь его частью. Важным было символическое присутствие тотема, а эту функцию могла выполнять и часть данного животного.

61. Фигурный сосуд. Хасанлу.
Южный Азербайджан,
IX-VIII вв. до н.э.

Типичным образцом мелкой скульптуры на предметах быта является изображение козла (символ плодородия) на навершии ручки бронзового зеркала. Зеркало происходит из могильного инвентаря погребения типа каменный ящик недалеко от Мингячевира. Рога козла отломаны. Фигурка выполнена очень схематично. Ручка зеркала, раздваиваясь, переходит в ножки животного, завершающиеся изящным торсом. Такое соединение фигурки с ручкой превратило фигурку животного и в функциональную часть зеркала – ушко, за которое зеркало, подвешивалось на ремне. Фигурка животного, как и само зеркало, выполнена способом литья по форме. Слабое развитие техники литья в это период (средняя бронза) не позволяла достигнуть тщательности пластической проработки скульптурных элементов на предметах, чем и объясняется схематичность фигурки животного.

С освоением железа (конец II тыс.-летие до н.э.) совершенствуется плавильное ремесло, гораздо больших высот достигает техника литья. Теперь уже бронза используется исключительно в декоративных украшениях, на которых скульптурные элементы становятся обязательным атрибутом. Огромное число булавок, наверший и подвесок дополняются зооморфной мелкой скульптурой.

Примером подобной мелкой пластики являются бронзовые булавки, обнаруженные в захоронении Мингячевира и Хачбулага. Головка мингячевирской булавки украшена стилизованными рогами горного тура, а на хачбулагской булавке животное изображено полностью. Интересно

62. Фигурный сосуд.
Мингячевир. V-III вв. до н.э.

то, что силуэт животного почти с точностью повторяет силуэты горных туров, изображенные на скалах Гобустана.

Интересным образцом бронзовой скульптуры является навершие посоха в виде головки быка, обнаруженное в курганном захоронении Гарабаха. Изготовленная способом формовки и литья по готовой форме, головка животного носит декоративно-символический характер.

Гораздо широкое по сравнению с металлом распространение скульптура получила на керамических сосудах. В условиях тотемизма скульптурные образы животных и птиц присутствуют почти на каждом культовом сосуде. Большая группа зооморфных сосудов, обнаруженных в раскопках, свидетельствует о том значении, которое придавалось животному и его материальному воплощению на могильном керамическом инвентаре. По мнению большинства исследователей, эти сосуды имели культово-ритуальное назначение и должны были служить захороненному в загробной жизни во время исполнении обрядов, связанных с жертвоприношением.

Анализ многочисленной зооморфной керамики позволяет сделать вывод о том, что большинство из них имеют чайникообразные сливы, сопряженные с фигуркой того или иного животного. Таким образом, жидкость из сосуда сливалась как бы из самой фигуры животного или птицы.

Говоря о назначении этих сосудов, большинство склоняется к мысли о том, что они являются сосудами, использовавшимися во время обрядов жертвоприношения или увеличения плодородия. При исполнении этих обрядов жертвенная жидкость (хома) сливалась прямо из полости животного или птицы, являвшегося тотемом-покровителем, дарующим плодородие. Жизнедарующая сила жертвенной жидкости сакрализовалась фигуркой священного животного.

Многочисленные образцы подобной керамики обнаружены в Мингячевире, Зивие, Хасанлу, Тепе-Сиалке и в других местах.

Не менее многочисленную группу составляют кувшинообразные и горшкообразные сосуды, в которых фигурки животных присутствуют или на ручках или же у горлышка ёмкости. Предполагается, что в них оставлялась жертвенная пища. Такие сосуды, как правило,

63. Зооморфный сосуд.
Мингячевир. IV-III вв. до н.э.

обнаруживаются у изголовья захороненного. Скульптуры животных на них помещаются парно (как правило, симметрично).

Наряду с зооморфными, известны образцы керамики с антропоморфными скульптурами. Выявлены обломки двух таких сосудов. Ручка сосуда, имеющая форму головы человека, найдена при раскопках нижнего культурного слоя пос. Гаратепе, из которого, в основном, происходят керамические изделия, орнаментированные треугольниками и другими геометрическими фигурками, нанесенными резными линиями. Образцы глиняных сосудов по формам и технике изготовления напоминают керамические изделия Ходжалы-Гедабекской культуры.

Ручка сосуда найдена в заполненном золой и углями очаге на глубине 0,8 м. На конце ручки прилеплена головка человека – на несколько впалом лице обозначен горбатый нос, лоб слегка покатый. Тонкой линией обозначены брови, эллипсовидными углублениями – глаза рот приоткрыт, уши относительно головы – крупные, выше бровей лицо окружено процарапанной линией, отделяющей его череп. Обозначен головной убор в виде тюбетейки. Головка, прилепленная к ручке сосуда, немного поднимается над краем венчика. В нижней части головка украшена процарапанным колосовидным изображением. По мнению О. Ш. Исмизаде, по чертам лица головка в определенной степени напоминает антропологический тип Передней Азии (ассироид). Вместе с другими археологическими материалами, собранными в Мильской степи, он датирует ее серединой I тыс.-летие до н.э.

64. Каменная
фигурная чаша.
Мингячевир.
II тыс.-летие до н.э.

Второй сосуд с изображением фигурки человека на поверхности хранится в краеведческом музее Нахчывана. Он был найден в местности Нухдабан (могила Ноя), вблизи городища Кёхнегала. Фигурка прилеплена не к поверхности ручки, а к крышке сосуда вместо ручки. Интересно, что крышка изготовлена из красной глины и покрыта красной краской. На худом лице обозначен относительно выступающий вперед нос, глаза и рот обозначены углублениями. Имеется головной убор, в отличие от предыдущего изображения целиком покрывающий голову и закрывающий уши, его передняя часть выступает на 1 см. Шея охвачена лепным глиняным широким ожерельем. О.Ш.Исмизаде по форме черепа и строению лица также относит фигуру к антропологическому типу Малой Азии. По форме головного убора, напоминающего шлем, можно предположить, что фигура изображает воина. Ее высота – 17 см, ширина – 7,5 см. Сравнение ширины фигурки с диаметром венчика сосуда показывает, что сосуд был небольшим. Для такого сосуда не нужна была крышка высотой 17 см. Скорее всего, этот сосуд не был предметом повседневного быта, а имел культовое назначение.

Очень интересным образцом подобной керамики является сосуд (ваза), на котором присутствует и зооморфная, и антропоморфная скульптура. Обнаруженный в Хасанлу и датированный IX-VIII веками до н.э. серый керамический сосуд с одной стороны заканчивается головкой водоплавающей птицы, а с другой – фигуркой человека, держащей, в руках жертвенный сосуд в виде птицы.

Фигурки, изготовленные в виде головки быка, выявлены и в пос. Гаратепе. Встречаются также фигуры, изображающие других домашних животных, особенно барана. Одна из фигур барана происходит из памятника Гаратепе, на территории Агджабединского района. Головка прилеплена над трубчатым носиком сосуда, имеет рога, загнутые назад. На лбу три лепных орнамента, расположенных рядом. Автор на основе аналогичных фигурок из Гаратепе датирует её V-IV вв. до н.э.

Если для эпох энеолита и бронзы были характерны целые фигурки животных, то, начиная со времени раннего железа, их заменили изображения отдельных частей тела, часть головы,

65. Фигурный керамический сосуд. Мингячевир. IV-III вв. до н.э.

которую прилепляли к керамическому сосуду. Лишь в единичных случаях на поверхности сосудов встречаются целые фигурки животных.

В 1957 г. при раскопках на поселении Гаратепе из второго горизонта культурного напластования собрано значительное количество обломков зооморфных сосудов. Особенно интересны два обломка, на поверхности которых изображалась голова барана. Обе фигурки расположены над трубчатым носиком сосуда с орнаментированной поверхностью. Рога барана загнуты вовнутрь, формованы крючковидно. Глаза фигурки, в отличие от целых статуэток, обозначены глиняными пуговками. Морды направлены к носику сосуда. В целом в Гаратепе раскопками 1957 г. выявлено 12 обломков зооморфных сосудов. На поверхности десяти из них изображена голова барана, на двух – голова быка. Слой, в котором были выявлены зооморфные сосуды, на основе добытых материалов датируется V-VI вв. до н.э.

1980 г. в Гаратепе обнаружено еще несколько зооморфных фигурок. Одна из них является головой оленя, изготовленной из глины черного цвета. Поскольку она представлена лишь головной частью, трудно определить, была ли это самостоятельная фигурка, или она служила для украшения сосуда. Заметим, что фигурки, прикрепленные к ручке или носику сосудов, обычно делались полыми, тогда как голова оленя неполная. Скорее всего, она является частью целой фигуры оленя. Ноздри обозначены углублениями, рот – открытый. Глаза переданы лепными пуговицевидными выступами. От рогов сохранились лишь следы. Из-за

низкого качества обжига фигурка крошится. Размеры головы невелики: длина спереди – 5 см, длина шеи – 3 см.

В 1980 г. при раскопках в Гаратепе обнаружен, сосуд с фигурками быка и барана на поверхности, аналогично найденными в 1957 г. Фигурки животных встречаются не только на поверхности глиняных сосудов, но и среди строительных остатков. С этой точки зрения особый интерес представляют остатки здания, выявленные в 1956-57 гг. при раскопках Сарытепе на территории Газахского района. Вскрыты остатки, засыпанные слоем золы, толщиной 70 см. Это здание, занимающее площадь 9х4,6 м, возможно, имело культовое назначение. Особенно интересен его интерьер: восточная стена – низкая, западная – относительно высокая, в середине здания имелись три колонны, которые, как и западная, были покрыты орнаментом. Внутри, с одной стороны обнаружена

66. Зооморфный керамический сосуд. Зивие. Южный Азербайджан, VIII-VII вв. до н.э.

фигурка свиньи, с другой – голова барана с загнутыми вниз рогами. Можно допустить, что стена с одной стороны завершилась этой фигуркой. Нижняя часть головы барана снизу полая, как видно, она надевалась на вкопанный в землю столб. Здесь же найдена другая фигурка, изображающая голову барана. Ноздри обозначены углубленной линией, нижняя челюсть несколько выпуклая. Видимо, и она надевалась на верхний конец столба, что подтверждают остатки обуглившегося дерева в полый части фигурки.

При расчистке остатков данного здания среди отколовшихся со стен и осыпавшихся лепных украшений обнаружена лепная головка змеи. Вблизи восточной стены найден соединенный сосуд, на ручке которого имеются лепные фигурки змеи и пуговки. Пуговки прилеплены ниже сосуда на плечике. Такой сосуд, естественно, на мог служить бытовым целям. Скорее всего, его употребляли во время исполнения религиозных обрядов.

Среди случайных материалов из Сарытепе имеется ручка серого глиняного сосуда в виде фигурки животного. По внешнему виду можно предположить, что это изображение барана. Уши и рога до основания отбиты. От них сохранились лишь следы. Среди тех же материалов найдена небольшая бронзовая фигура лошади, изготовленная литьем. На спине лошади вскрыто отверстие для продевания веревки.

Интерьер сарытепинского здания, находки соединенного парного сосуда с лепной фигурой змеи, ручки глиняного сосуда в виде барана, головки змеи, бронзовая фигурка лошади, фигурки, изображающие барана

67. Зооморфный керамический
сосуд. Зивие. Южный
Азербайджан, VIII-VII вв. до н.э.

и свинью – все это свидетельствует, что развалины принадлежат храму. Исследователи эти остатки относят к первым векам I тыс.-летие до н.э.

На территории Азербайджана зооморфные сосуды найдены и в Мингячевире. Большинство их относятся к более позднему периоду – приблизительно ко II в. до н.э. – I-II вв. н.э. Но среди зооморфных сосудов из Мингячевира встречаются сосуды с архаической формой, которые исследователи датируют VII-V вв. до н.э. Один из них был найден в 1946 г. Г.И.Ионе в грунтовом погребении с вытянутым костяком. Над носиком этого фигурного сосуда, примерно на уровне его венчика, помещена фигурка собаки, голова ее отбита. Сосуд имеет две ручки-держалки: первая на краю венчика, предназначавшаяся для поднятия сосуда вертикально, вторая – прилепленная к боку сосуда и напоминающая фигуру животного.

Фигурки животных и человека характерны не только для территории Азербайджана, они встречаются также на территории Грузии и Армении. Так, небольшая головка быка с изображением на лбу треугольника, напоминающая голову быка из Гедабека, найдена на территории Грузии. Подобные головки быка, но без треугольника на лбу, встречаются на территории Армении. Сходство между головками, найденными на территории Азербайджана, Грузии и Армении, прежде всего, проявляется в их небольшом размере и в выпуклой передаче некоторых деталей морды.

Вообще ареал распространения зооморфных и антропоморфных сосудов обширен. Несмотря на то, что сосуды этих типов происходят из различных мест, по технике изготовления (в основном, формовка от руки) и расположению на поверхности сосуда (отдельные элементы фигурок

человека и животных часто помещены на поверхности ручек, крышек и носиков) между ними имеется определенное сходство. Такая близость отмечается между зооморфными сосудами, найденными на поселении Марлик на территории Ирана и мингячевирскими, отличающимися несколько архаической формой.

Таким образом, при исследовании памятников Азербайджана, относящихся к периоду раннего железа, найдено небольшое количество статуэток человека и животных, притом все они представлены обломками. Такую малочисленность находок можно объяснить, с одной стороны, небольшим объемом соответствующих археологических исследований, с другой – изменениями, происходящими в самом обществе того времени.

68. Зооморфный керамический сосуд. Зивие. Южный Азербайджан, VII в. до н.э.

Несколько образцов глиняных сосудов, найденных в кувшинных погребениях Мингячевира, по своим формам аналогичны с сосудами, характерными для Ялойлутепе. Как видно, между материалами Ялойлутепе и культурой кувшинных погребений имеется связь. С другой стороны, эти культуры относятся к одному и тому же периоду и охватывают единую территорию. Археологические материалы обеих культур очень часто встречаются в одном и том же могильнике.

Учитывая, что эти археологические культуры полностью сходны между собой, Дж.А.Халилов считает определение двух археологических культур на одной территории в один исторический период методически и теоретически неверным и не имеющим научного основания.

Действительно, в Албании была единая культура, имеющая древние местные исторические корни и локальные варианты. Имея в виду ее сущность, терминологические, правильно было бы назвать ее албанской культурой.

Раскопками памятников Азербайджана, относящихся к албанскому периоду, выявлены также глиняные сосуды с поверхностью, украшенной изображениями отдельных частей человеческого тела. В последние годы образцы глиняных сосудов с антропоморфными элементами обнаружены при раскопках в Мингячевире, Шамахе и ряде других районов.

В 1960 г. вблизи Хыныслы (Шамахинский р-н) найден красно-глиняный антропоморфный сосуд, на горле которого имеется изображение женщины. У нее большие круглые глаза, нос с горбинкой, за плечами заплетенные косы, на груди украшения, переданные лепным способом. Сосуд изготовлен с большим мастерством.

Конструктивная форма сосуда и выпуклая женская фигура дополняют друг друга. Датируется III в. до н.э. – I в. н.э.

В 1965 г. на той же территории в погребении типа каменных ящиков был найден антропоморфный сосуд красного цвета, изготовленный из глины с примесью. Поверхность спереди до пояса украшена лепным узором, на задней стороне орнамента нет. Полукруглая ручка с плоским основанием соединяет голову фигуры с корпусом сосуда. На голове изобра-

69. Фигурный керамический сосуд. Хасанлу. Южный Азербайджан, Конец II тыс.-летие до н.э.

70. Бронзовое навершие.
Гарабах. IX в. до н.э.

жена лепная полоска и круглые глиняные пугови. Нос относительно длинный, клювовидный, характерный для некоторых женских статуэток из памятников древнего периода. На месте уха изображены лепная глиняная полоска, напоминающая серьгу, и пуговка. Глаза также переданы лепными круглыми пуговками. На грудной части прилеплены два выступа, на шее – ожерелье с мелкими круглыми пуговками. Сосуд кувшинообразный, полый.

Погребение типа каменных ящиков на поселении Хыныслы относится к периоду конца IV – конца VII вв. С другой стороны, глиняные изделия из упомянутого каменного ящика аналогичны с материалами раннесредневековых памятников Мингячевира. На основе этих аналогий антропоморфный сосуд датируется IV-VI вв.

В 1975-76 гг. при археологических раскопках памятника Шергях, вблизи с. Чол-Багырлы Шамахинского района найдена ручка крышки сосуда, изготовленная в форме головы человека. Находка происходит из кувшинного погребения. Волосы заплетены и собраны на голове наподобие шапки. Выступом-горбинкой показан нос, а круглыми лепными пуговками – глаза. В середине круглых налепов, обозначающих глаза, имеется точечное углубление, обозначающее зрачок. Из прически и строения лица видно, что изображение принадлежит женщине. На основании комплекса, в том числе монет, чеканенных от имени сасанидского царя, погребение да-

тируется IV-VII вв.

Другой антропоморфный сосуд с корпусом в виде туловища человека найден в Мингячевире при раскопках 1949 г. В отличие от других антропоморфных сосудов голова не обозначена. Маленькими выступами показаны груди. Правая рука фигуры показана грубо сделанным выступом, а левую руку, вероятно, заменяла ручка сосуда. Изготовлен из желтой глины и обожжен. Высота – 5,5 см, диаметр корпуса – 4,6 см.

В Мингячевире в 1948 г. раскопками выявлен антропоморфный сосуд, формованный без головы. Горло сосуда имеет вид человеческой шеи, как и на статуэтках, на нем насечками обозначено ожерелье. Сзади на корпусе выступ. Руки обозначены. Высота фигуры – 5,5 см, диаметр корпуса – 4,2 см.

Одна фигурка барана найдена в Габале в 1969 г., на глубине 1,8 м. Голова барана изображена хорошо, рога, от которых сохранились следы, до основания, грудь – выпуклая. Обе передние ноги отбиты до основания. По излому можно предполагать, что фигурка располагалась на ручке или на плечике сосуда. Фигурка изготовлена в схематическом стиле и позволяет лишь узнавать породу животного, что было вполне достаточно, исходя из контекста ритуала.

Статуэтки человека, выявленные в Азербайджане при исследованиях памятников античного периода, по внешнему виду похожи друг на друга. Хотя они обнаруживаются в различных районах, техника их изготовления (они все формованы от руки) и соответствия между частями тела не выдержаны. Это характерно для произведений пластики не только Азербайджана, но и всей Передней и Средней Азии.

В Закавказье статуэтки данного периода известны также из памятников Грузии и Армении.

Наивысший расцвет культовой, символической и декоративной скульптуры на предметах обихода и украшениях приходится на древний период. Периоды существования на исторической территории Азербайджана древних государств Манны, Мидии, Атропатены и Албании характеризуются активным созданием мелких антропо- и зооморфных скульптурных изображений, характеризующихся детальной проработкой форм и эстетизацией.

Самой распространенной религией этой эпохи являлся зороастризм с его культом борьбы добра и зла и жертвоприношениями человека силам добра. Жертвоприношения в виде священного напитка хомы увеличивали силы добра, и таким образом делали человека участником космической борьбы добра со злом.

Как известно, в религиозных системах этих государств почти все божества и духи имели свое животное воплощение, присутствие которых на культовых и обиходных предметах символизировали присутствие их божественной маны (силы, *karamat*).

Вместе с тем, скульптурные образы на украшениях зачастую выполняли роль талисманов и оберегов, предотвращающих их обладателя от злых духов.

71. Бронзовая подвеска.
Хасанлу. Южный
Азербайджан, IX в. до н.э.

Одна из таких подвесок с бронзовой фигуркой льва, подвешенного на цепочке, обнаружена в погребении из Хасанлу. Фигурка выполнена методом отливки со стилизацией форм и изображает сидящего льва. Пластическая обработка форм тела, ног, гривы льва орнаментализированы, в результате чего фигурка приобрела и определенные декоративные черты. Исследователь О.Мускарела считает, что эта фигурная подвеска являлась талисманом (3, 42-47).

Подобные фигурки львов украшают также головки многочисленных бронзовых булавок, обнаруженных в Хасанлу.

Отдельную группу составляют золотые, серебряные и бронзовые ритуальные сосуды, в которых скульптура животного определяет весь семантический контекст сосуда. На таких сосудах скульптурные фигурки, как правило, выполнялись способом объемной чеканки. В эту группу входят как зооморфные сосуды, так и сосуды, в которых голова животного, выполненная чеканным способом, прилепывалась к ту-

лову сосуда.

Великолепным образцом золотого чашеобразного сосуда с прилепанными к нему объемными головками львов является знаменитая чаша из музея Метрополитен, обнаруженная в местечке Амлаш на северо-западе Ирана (Южный Азербайджан). Выступающие горельефно из тулова сосуда головы львов обращены в противоположные стороны. В пасти львов имеются отверстия (слив), через которые совершалось ритуальное возлияние хомы. Туловища животных выполнены в низком рельефе и «стелятся» по поверхности сосуда. Налицо мастерское соединение горельефной головки с рельефом, покрывающим боковую поверхность чаши. Рельеф фигурок львов обогащен гравированными и чеканными линиями, прорисовывающими гриву, свастику (знак солнца) на крупе льва и контуры его фигуры.

Типологически данная чаша относится к большой группе ритуальных чаш для преподношения священной жертвенной хомы.

Совершенно другой пример скульптурной пластики наблюдается в со-

72. Зооморфный сосуд. Серебро. Зивие. Южный Азербайджан, VIII-VII вв. до н.э.

судах, которые сами выполнены в виде животного или человека. Зачастую такие сосуды сложно назвать собственно сосуда́ми, поскольку они в большей степени выступают как скульптуры животных или человека, держащих в руках крохотные сосуды. Здесь мы имеем дело с символическим изображением божества или духа в облике животного, совершающего жертвоприношение священной хомы. Образцы подобных скульптурных сосудов обнаружены в большом количестве в Зивие и Марлике (Южный Азербайджан).

Серебряный сосуд из Зивие выполнен в виде коровы, изображенной в коленопреклоненной позе и держащей перед собой передними копытами маленький сосуд с носиком для слива. Вся фигурка в целом представляет собой образ жертвоприносящей женщины в облике коровы. На это указывает гравировка на теле животного, изображающая женское платье с орнаментальными полосами. Фигурка коровы выполнена вполне реалистично, но лишь до половины. Дело в том, что если присмотреться, становится ясно, что мастер здесь оригинально соединил верхнюю половину тела коровы с нижней половиной женского тела, создав тем самым красноречивый по смыслу и сильный по художественному воздействию синтез зоо- и антропоморфной скульптуры. Метод монтажа, который использовал здесь мастер, безусловно продиктован семантикой ритуала.

Керамический фигурный сосуд из Марлика стилизовано изображает мужчину, поднявшего в руках маленький сосуд для жертвоприношений. Фигура человека выполнена совершенно отвлеченно и представляет собой бутылеобразное фигуру с условными чертами лица и короткими ногами. Поверхность розовой глины расписана краской и имитирует орнаменты одежды. Фигура человека пустотелая, высотой 18 см. Совершенно очевидным является то, что перед нами фигурный сосуд, изображающий адоранта.

Для древних восточных культур характерно такое изготовление населением своих «заменителей», которые ставили в храмах. Не исключено, что

73. Керамический ритон.
Мингячевир. I в. до н.э.

74. Бронзовая ножка трона.
Загаллы. Нахчыван. III-IV вв.

фигурка символически изображает самого покойного (поскольку найдена в захоронении), которому в потустороннем мире суждено совершать ритуал жертвоприношения.

И наконец, самую большую группу сосудов, в которых скульптура присутствует как основное формообразующее начало, составляют зооморфные сосуды. Эти сосуды сами по себе являются пустотелыми керамическими фигурками того или иного животного или птицы, которые вместе с тем выполняют функции ритуального сосуда.

Наиболее многочисленную группу зооморфных сосудов составляют сосуды в виде утки. По религиозно-мифологическим представлениям наших предков, зафиксированным в Ведах и Авесте, водоплавающая птица, а конкретнее – утка является демиургом (создателем мира и жизни). Эта роль мифической (космической) утки зафиксирована в космогонических мифах о создании мира. С другой стороны, утка является одной из основных реинкарнаций богини жизни, плодородия и любви – Анахид, считающейся богиней вод, а следовательно и жизни. Отсюда и особая символика сосуда в виде утки. Уткообразный сосуд, содержащий воду в сакральной символике является источником и символом жизни.

Сосуды в виде утки, как правило, представляют собой кувшины с носиками для слива. Носиком для слива обычно служит голова и клюв утки, тогда как тело утки является основным объемом кувшина, содержащего воду. Ноги утки в таких кувшинах обычно не изображаются, поскольку кувшин-утка всегда изображает плавающую на воде птицу, у которой не видны ноги. Некоторые из подобных кувшинов имеют круглое днище, позволяющее поставить сосуд на ровную поверхность. Но есть и такие, которые не имеют днища в виде ножки и предназначены для специальных подставок – жертвенников (трипод).

Сосуды-утки с днищами были широко распространены в междуречье Куры и Аракса в Северном Азербайджане и местечке Тепе-Сиалк в Южном Азербайджане. Мингячевирские находки этого типа представляют собой монохромную керамику из серой глины с широким и узким горлышком и

ручкой, соединяющей горлышко сосуда с туловом. Скульптурная лепка характеризуется реализмом и условностью. Среди реалистично созданных птиц-сосудов имеются и чернолощенные образцы характерной Кура-Аракской керамики.

Сероглиняный сосуд более условно изображает утку и декорирован рядами треугольников с точечным мотивом, символизирующим плодородие.

Этот сосуд имеет две ручки, что обычно указывает на то, что сосуд подвешивался.

Наряду с керамическими сосудами в виде утки обнаружены и керамические пустотелые фигурки утки, стоящей на подставке. Подобные фигурки не имели тех функциональных особенностей, какие наблюдаются в зооморфной посуде. Эти керамические скульптуры скорее выполняли роль талисманов, обеспечивавших плодородие. В отличие от сосудов, они характеризуются большим правдоподобием в пластической проработке форм и мелких деталей птицы.

Полихромный образец подобной утки-сосуда обнаружен в местечке Зивие в Южном Азербайджане, датируется VIII-VII веками до н.э. и хранится в музее Метрополитен. Реалистичная лепка форм птицы и цветовая роспись создали полное ощущение реальной утки. На функциональность сосуда указывает лишь высокое расширяющееся кверху горлышко сосуда, вырастающее из спинной части птицы. Глаза, клюв и крылья утки прорисованы цветом, доводящим реализм до совершенства. Слив сосуда осуществляется через отверстие в кончике клюва. Автор сосуда мастерски смог синтезировать совершенные пропорции и формы птицы с функциональными особенностями чайникообразного по типу сосуда. Целостность и завершенность форм сосуда и скульптуры птицы являют собой редкий образец мастерства.

На втором месте после утки находятся зооморфные сосуды, изображающие лошадь. И среди этих сосудов есть такие,

75. Фрагмент бронзового подсвечника. Лачин. I в.

которые сами выполнены в виде фигуры лошади, а также сосуды, на которых голова лошади присутствует в виде скульптурного налепа.

Символика лошади в эпоху древности раскрывается в священной Авесте, по которой божество дождя и влаги, реинкарнируясь, приходит в виде белой лошади (Тиштрия), в отличие от рыжей лошади (Апаоша), приносящей засуху (4, 447, 517).

Исходя из мифологического и ритуального контекста, можно предположить, что сосуд в форме лошади или с протомой лошади использовался при обряде вызывания дождя и влаги.

Ярким образцом сосуда в виде фигурки лошади является сероглиняный чайникообразный сосуд, найденный в Зивие. Фигурка лошади выполнена условно и узнается в основном из-за головы с длинной шеей. Из спины лошади «вырастает» горлышко сосуда, к которому прикреплена ручка, ноги животного выполнены весьма условно. Наиболее интересными с точки зрения семантики и назначения зооморфного сосуда являются трубчатый слив сосуда, находящийся между передними ногами и оформленный в виде фаллоса, а также наклепное кольцо на шее животного.

Семантика фаллоса в контексте ритуала, для которого создан сосуд, связана с идеей оплодотворения. Влага, проливаемая дождем из фаллоса, несет жизнь и плодородие. Возможно также, что сосуд в виде лошади (Тиштрия) использовался в обряде вызывания дождя. По принципу имитативной магии, звук сливающейся тонкой струйкой воды из сосуда должен был вызвать подобное – сливающиеся с неба струйки воды. На то, что этот сосуд не просто изображает лошадь, говорит и кольцо

76. Бронзовый светильник (чирэг). Чухур Габала. V-VII вв.

на шее животного. Подобные наклепные кольца мы встречаем и на шейках утконообразных сосудов. Начиная с эпохи бронзы, кольцо на шее животного всегда служило знаком избранности (божественности) этого животного. Подобное кольцо присутствует не только на шее зооморфных керамических сосудов, но и на бронзовых подвесках-талисманах в виде утки или лошади.

Идея подобного сосуда решена несколько иначе в другом сероглиняном зооморфном сосуде, также обнаруженном в Зивие. Здесь мы имеем дело не только с фигуркой лошади, но и человеком, сидящим на ней. Фигурка человека выполняет роль горлышка сосуда. Наполне-

ние жидкости в сосуд происходило через отверстие в голове человеческой фигуры, а слив жидкости происходил также, как и в первом случае – через фаллообразное трубчатое отверстие в передней части фигурки лошади. Ноги животного выполнены также условно и представляют собой скорее короткие ножки-опоры для устойчивости сосуда. Фигура и лицо седока выполнены отвлеченно, без всякого намека на портретную реалистичность. Возможно, здесь образ божества Тиштрии, приносящего дождь, дополнен антропоморфным образом покровительствующего стихии дождя Амеша Спента (Бессмертный святой). По Авесте, один из 6 Амеша Спента (Абан) является покровителем влаги и вод (35, 445). Возможно, именно он изображен управляющим божеством дождя Тиштрией (лошадь).

Сосуд с протомой лошади обнаружен и в Мингячевире в одном из погребений V-III веков до н.э. Биконической формы кувшин имеет скульптурный налест ниже плечика сосуда в виде головы лошади. Головка лошади вылеплена реалистично, смотрящей на дно сосуда. Сосуд не имеет ножки в виде ободка, следовательно его невозможно поставить вертикально. Наиболее вероятно, что он также ставился на специальную подставку-жертвенник. В отличие от предыдущих сосудов (чайникообразных по типу), этот представляет собой кувшин для хранения жидкости. Отсутствие отверстия для слива подтверждает эту мысль.

На третьем месте по количеству присутствия на керамических сосудах, после фигурки лошади, стоит фигура тура (горный козел).

Надо сказать, что по Авестийской мифологии тур является одной из реинкарнаций (ипостасей) божества солнца. На это указывают многочисленные изображения тура, стоящего на солнечном диске. Образ горного козла (тура) в зороастрийской мифологии связан с приходом весны и солнца. Не случайно этот образ сохранился в ритуале встречи весны, совершаемым азербайджанцами и сегодня в дни древнего праздника Новруз. В этом обряде встречи весны образ козла символизирует солнце, весну, тогда как Кёса (плешивый) символизирует умирающую зиму.

Сосуды, выполненные в виде тура, имеют несколько типологических разновидностей. Здесь и сосуд-курильница и кувшин, и, наконец, чайникообразный сосуд для возлияний.

Скульптурный образ тура, в зависимости от локальных особенностей стиля, выполнялся в реалистической и условно-декоративной манере.

Глиняная курильница в виде фигурки тура, найденная в Мингячевире, представляет собой не-

77. Бронзовая фигурка.
Оренкала. XII-XIII вв.

большую (14 см) скульптуру тура с отломанными рогами и маленький сосуд с крышкой, который несет на спине животное. Фигурка выполнена условно и имеет на теле магическую татуировку, свидетельствующую о сакральности животного.

Чайникообразный чернолощенный сосуд в виде тура, обнаруженный в Мингячевире, представляет собой достаточно реалистически вылепленную пустотелую фигурку тура с горлышком, вырастающим со спинной части животного. Мордочка животного оканчивается тонким отверстием для слива жидкости из сосуда. Кромка горловины сосуда имеет соединение со стилизованными рогами животного. С противоположной стороны к горлышку прилеплена ручка сосуда, в результате чего получился сосуд, напоминающий лейку для полива растений. Функциональное назначение сосуда раскрывается в контексте обряда жертвоприношения с обязательным жертвенным возлиянием.

Не менее многочисленную группу скульптурной зооморфной керамики составляют сосуды, выполненные в виде фигурки оленя. Вылепленный из розовой глины, этот сосуд обнаружен в Зивие и датируется IX-VIII веками до н.э. Голова и шея животного вылеплены вполне реалистично. На кончике мордочки животного также имеется отверстие для слива жидкости из сосуда. В отличие от предыдущего сосуда он не имеет ручки. Горлышко для заполнения жидкости вырастает прямо со спины животного. Фигура животного выполнена без пластической проработки. Вся пластическая проработка сконцентрирована автором на шее и голове с рогами животного, являющейся основным иконическим определителем породы животного.

И наконец, последнюю группу зооморфной фигурной керамики составляют сосуды, выполненные в виде фигурки коровы. Сосуд из розовой глины датируется албанским периодом (II-I века до н.э.) и обнаружен в Мингячевире. Типологически он также входит в большую группу чайникообразных сосудов для жертвенных возлияний. Рога животного отломаны, но это не мешает узнавать породу животного, на теле которого также имеется магическая татуировка.

В скульптурной керамике древнего Азербайджана большую группу составляют глиняные курильницы в виде фигурок животных (в основном, фигурки быков). Курильницы служили для совершения жертвенных воскурений ароматических трав. Подобное обрядовое воскурение (в основном, от сглаза) сохранилось и сегодня. В процессе воскурения используется сушенная ароматическая трава «узерлик».

Большое количество таких зооморфных глиняных курильниц обнаружены в погребениях Марлика (Южный Азербайджан). Выполненные в виде пустотелых фигурок бычков курильницы имеют щелевую прорезь, обычно находящуюся в нижней части животного, тогда как мордочка животного, как правило, исполняется в виде открытой пасти, куда клалась ароматическая сушенная трава. Открытая пасть через полое тело

соединялась с щелевой прорезью и таким образом осуществлялась воздушная тяга, обеспечивавшая постоянное тление ароматической травы. Во всех подобных курильницах фигурка бычка исполнена в стилизованной манере и животное узнается лишь по характерным рогам.

Наряду с ритуальными и культовыми предметами, скульптурные элементы содержатся и в ряде бытовых предметов. В подобных изделиях скульптура носит исключительно декоративный, украшательский характер. Головки и фигурки различных людей и животных, украшающие эти изделия, в основном, выполнены методом отливки.

Представление о подобной скульптуре можно составить по человеческой головке, украшающей ручку бронзового светильника (чираг), обнаруженного в селении Чухур-Габала Габалинского района. Характер женской головки, строение лица и тип прически говорят о том, что перед нами эллинизированный образ, восходящий к древнегреческой скульптуре.

Такой же эллинизированный образ в виде человеческой маски найден в Лачинском районе (датируется I веком до н.э.) Предполагается, что эта мелкая бронзовая скульптура являлась украшением светильника. Присутствие греческих мифологических образов говорит или о том, что эти вещи импортные, или же выполнены местными мастерами в подражание греческим.

Подводя итоги истории развития декоративной и символической скульптуры на культовых предметах и предметах обихода, следует сказать, что в этом случае внимание скульптора концентрируется на символической и декоративной стилизации зоо- и антропоморфных образов. Скульптора (гончара) не интересует реальное отображение пластических и изобразительных характеристик человека или животного. Они всегда являются лишь символами, отсюда и свобода стилизации скульптурного образа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Языческая скульптура Азербайджана, насчитывающая не одно тысячелетие своего развития, является интереснейшим материалом для изучения социально-исторических, религиозных и художественно-эстетических предпосылок зарождения и развития скульптурной пластики в Азербайджане.

На протяжении всего своего развития являвшаяся важнейшей составной частью многих ритуалов и обрядов, скульптура языческого периода нашей истории сыграла огромную роль в формировании скульптурных традиций и дала огромное число шедевров пластики, хранящихся как в отечественных, так и в зарубежных музейных коллекциях.

Культово-идеологические основы языческой скульптуры в целом универсальны для всех народов и регионов мира. Наиболее ранний культ, отраженный в скульптуре, это культ Великой богини-матери, являвшейся прародительницей всего живого на земле. В первобытном мышлении образ Великой матери воспринимался как источник жизни. Репродуктивная способность женщины получила символическое обобщение и обожествление в скульптуре, которой поклонялись и приносили жертвы.

Култ отцов-предков, покровителей рода характеризовался изготовлением каменных монументальных идолов мужского рода. Дуалистическое мировоззрение наших предков, живших в эпоху сложения родо-племенных отношений в обществе, породило образ мужчины-предка, от которого вел начало каждый род племени.

Огромное значение придавалось скульптурным образам в погребальных обрядах. Скульптурное изображение усопшего развивалось от схематического, условного – к реалистическому, портретному изображению. Эта линия развития языческой скульптуры так и не смогла получить своего окончательного развития. Монотеистический Ислам, распространившийся в Азербайджане в раннем средневековье, надолго остановил развитие этой тенденции, сделав запретным само понятие скульптуры.

Не менее важной культово-идеологической основой языческой скульптуры является тотемистический культ, в котором образ животного – символического первопредка мыслился как идентифицирующее начало в сложном переплетении родов и племен.

Скульптура языческого периода, хронологически охватывающая первобытность, эпоху древности и раннее средневековье с момента своего возникновения выполняла функцию материализованного в камне, глине или бронзе культового объекта, отражающего мировоззрение автора и поклоняющихся скульптурному идолу людей.

Смена матриархата патриархатом в ходе исторического развития наложила свой отпечаток на содержание и форму языческой скульптуры. В ходе этой исторической смены социальных устройств общества, жизненного уклада и идеологических приоритетов происходило усложнение и дифференциация видов языческой скульптуры. Наиболее ощутимый

водораздел формальных и семантических качеств пластики выразился в сложении монументальных и камерных свойств пластики, которые повлекли за собой выработку различных технологических процессов при изготовлении скульптуры из глины, камня или металла. На художественно-пластические свойства языческой скульптуры влиял не только материал изготовления, но и выбор изобразительного, символического или декоративного стиля, в котором изготовлялась скульптура.

Изготавливавшаяся из камня скульптура мезолитического (среднекаменная эпоха) периода тяготела к символическим менгиристообразным, слабо обработанным формам, лишь условно воспринимаемым как антропоморфный образ. Образцы подобной скульптуры, обнаруженной в Гобустане, говорят об условности пластических форм, сводящихся лишь к слабой проработке очертаний фигуры и головы идола, больше воспринимавшегося как каменная стела с еле уловимыми очертаниями человека.

Начало сложения земледельческих цивилизаций неолитической и энеолитической эпохи знаменовало изобретение обожженной глиняной посуды, что не замедлило сказаться и на дальнейшем развитии скульптуры. Появляется глиняная обожженная скульптура (терракота), характеризующаяся камерностью форм и размеров. Одновременно с этим изменяется и содержание скульптуры, в ней начинают преобладать небольшие (до 15 см) глиняные статуэтки обнаженных женских идолов, которые уже находились в развалинах поселений.

Если говорить более конкретно, такая скульптура в основном находилась закопанной у домашнего очага или под настилом пола жилища. Содержание подобной скульптуры и ее местонахождение говорит о том, что женские статуэтки выполняли функции оберегов, предотвращающих козни злых духов, а также обеспечивали плодородие и достаток в доме. Обнаруженные в древних поселениях Мингячевира, Исмаиллы, Габалы и других мест глиняные скульптуры порою замешивались с мукой или зернами пшеницы. Все это лишний раз подтверждает магически-культовый характер этих фигурок, обеспечивавших достаток и урожайность для жителей дома.

Эпоха бронзы и железа характеризуется распространением каменной мужской и зооморфной скульптуры. Появление и распространение первых было связано со сменой матриархата патриархатом, при котором резко возрастает роль мужчины в обществе. Само собой разумеется, что и высшие божества и духи становятся мужского рода. Пластика подобной скульптуры, как правило, тяготеет к монументальности и схематичности. Здесь более важен был сам факт существования идола, нежели его изобразительные качества.

Скульптура этого времени, в основном, устанавливается на курганных и иных могильных сооружениях. Культ предков – покровителей рода, возникший в это время, продолжит свое существование вплоть до раннего средневековья.

Распространение зооморфной скульптуры в этот период связано с развитием тотемистических представлений о происхождении родов и племен. Тотемы были не только первопредками, но и оберегами родов

и племен. Отсюда и необходимость в создании зооморфной скульптуры, изображающей того или иного тотема. Фигурки быков, лошадей, горных туров, птиц и рыб, обнаруженные в Азербайджане, выполнены в условной, схематической манере. Порода или пол животного в основном подчеркивался формой рогов. Следует признать, что наиболее иконической частью копытных животных являются голова и рога, на которые зачастую обращали внимание древние скульпторы. Остальные части тела животного выполнялись условно. Языческая скульптура Азербайджана имеет факты полного отказа от лепки и формовки тела животного. Скульптурно проработанная голова животного сама по себе обладала качествами целого животного. Эти факты свидетельствуют о сложении символического изобразительного мышления и анимистических религиозных представлений, для которых достаточно было присутствия символического образа тотема, выполнявшего роль талисмана или оберега.

Интереснейшим периодом развития языческой скульптуры является эпоха древности, характеризующаяся сложением цивилизаций и первых государственных объединений на исторической территории Азербайджана.

Антропоморфные и зооморфные образцы скульптуры, обнаруженные в Марлике, Зивие, Тепе-Хиссар (Южный Азербайджан), свидетельствуют о формировании символической и магической скульптуры, характеризующейся условностью форм, размеров и деталей фигурок. В этой скульптуре важнее было ее символическое содержание, а потому собственно скульптурный реализм приносился в жертву этой условности и символизму.

В эпоху древности начинает свое развитие и новая линия развития языческой пластики, характеризующаяся декоративностью. В подобных памятниках символическое содержание скульптурного образа синтезировалось с декоративными, украшательскими функциями бытовых и ритуальных предметов.

Одним из наиболее богатых с точки зрения распространенности скульптуры периодов азербайджанской истории является Албанский, охватывающий IV в. до н.э. по VII в. н.э. Широкое развитие в античной и раннесредневековой Албании монументальной каменной и мелкой глиняной скульптуры связано с родовыми культами албанских племен и самым универсальным из них для земледельческо-скотоводческого уклада – культом Плодородия. Вследствие кочевого образа жизни многих албанских племен традиции языческой скульптуры древней Албании теснейшим образом переплетены с традициями кочевых племен Передней и Средней Азии. Типологическое сходство каменных идолов Албании и Среднего Востока позволило исследователям говорить о родственности племен и народов, изготавливавших подобную скульптуру.

Экскурс в историю развития языческой скульптуры в Азербайджане свидетельствует о длительном поступательном развитии скульптурных традиций, характеризующихся условностью, символизмом и реализмом. Традиции, приемы и навыки, выработанные языческими скульпторами, синтезировались в богатых и своеобразных традициях, которые составляют богатейшее наследие, проливающее свет на форму и характер пластического мышления наших предков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Azərbaycan Tarixi Muzeyinin 50 illiyi. P.Əzizbəyovanın redaktəsi ilə. Bakı: Elm, 1973.*
2. *Babayev İ.A., Əhmədov Q.M. Qəbələ. Bakı: Elm, 1981, 68 s.*
3. *Əfəndiyev R.S. Azərbaycanın bədii sənətkarlığı dünya muzeylərində. Bakı: Işıq, 1980, 166 səh.*
4. *Qaziyev S.M. Qəbələdə aparılmış arxeoloji tədqiqat və qazıntıların ilk yekunları. Azərbaycanın maddi mədəniyyəti. VI cild, Bakı, Azərbaycan Elmlər Akademiyasının nəşriyyatı, Bakı: 1965, 322 s.*
5. *Həbibullayev O. Kültəpədə arxeoloji qazıntılar. Bakı: Azərbaycan Elmlər Akademiyasının nəşriyyatı, 1959, 134 s.*
6. *Muradova F.M. Qobustan tunc dövründə. Bakı: Elm, 1979, 118 s.*
7. *Osmanov F.L. İsmayılı rayonu ərazisində tapılmış antik dövr antropomorfiqurlar haqqında // Azərb. SSR EA-nın Xəbərləri (tarix, fəlsəfə və hüquq seriyası), Bakı: 1971, №1.*
8. *Xəlilov C.Ə. Ağyazıda arxeoloji qazıntılar. Azərbaycanın maddi mədəniyyəti. X cild. Bakı: Elm, 1987, 167 s.*
9. *Arkeoloji ve sanat. №118. Kasım-Aralık 2004, mart Matbaacılık, İstanbul. 128 s.*
10. *Eski dünyanın yetmiş büyük gizemi. İstanbul. Oğlak yayınları 2002, 304 s.*
11. *Ekrem Akurqal Anadolu Kültür Tarihi. "Tübitak", Ankara. 2003, 417 s.*
12. *Oktay Arslanara. Türk Sanatı. 6 Basım. "Remzi kitabevi", İstanbul. 2003, 453 s.*
13. *Oktay Belli. Kırşızistanda taş ve insan biçimli heykellerö Arkeoloji ve sanat yayınları. İstanbul. 2004, 166 s.*
14. *Абрамова З.Б. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.-Л.: Наука, 1966, 273 с.*
15. *Азербайджанские сказки. Т.2. Баку: Азернешр, 1962, 286 с.*
16. *Алекперов А.И. Терракота древнего Азербайджана. Баку: Элм, 1994, 133 с.*
17. *Ализаде А. Некоторые сведения о Ширване // Известия Академии наук Азерб. ССР. Баку, 1947, №12.*
18. *Асланов Г. Об археологических памятниках Абшера // Сб. Материальная культура Азербайджана. Т.9. Баку: Элм, 1980. 191 с.*
19. *Анисимов А. Этапы развития првобытной религии. М.-Л., 1967, 267 с.*
20. *Астарта. Вып. 2. Женщина в структурах власти архаических и традиционных обществ. Под ред. М.Ф.Альбедиль, А.В.Цыба. Изд-во СПб., университета, 1999, 126 с.*
21. *Ашурбейли С.Б. Скульптура Азербайджана древнего периода и периода средневековья в кн. "Труды музея истории Азербайджана". Вып. 1. Баку: Издательство Академии наук Азербайджана, 1956.*
22. *Ашурбейли С. История города Баку. Баку: Азернешр, 1992, 402 с.*
23. *Байбурин А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей. Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989, 185 с.*
24. *Батчаев В.М., Кереев Б.М. Оленный камень из Кабардино-Балкарии // Советская археология, 1980, №3, с. 289-294.*

-
25. Бибииков С.Н. Культовые женские изображения племен Юго-Восточной Европы // *Советская археология*, 1951, т. 15, с. 340.
 26. Бичурин И. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1950, т. 1, с. 230.
 27. Войтов В.Е. Каменные изваяния из Ункету // Сб. "Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства", М., 1987, с. 169.
 28. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. М.: Восточная литература, 1957, с. 107-103.
 29. Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961.
 30. Гумилев Л.Н. Алтайская ветвь тюркок-тугю // *Советская археология*, 1959, №1, с. 145.
 31. Дебиров П.М. Резьба по камню в Дагестане. М.: Наука, 1966.
 32. Древние изваяния Сибири. Путеводитель. Новосибирск: Наука, 1980.
 33. Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // *Материалы и исследования по археологии СССР*, №24, 1952.
 34. Есаян С.А. Скульптура древней Армении. Ереван: Изд-во Академии Наук Арм. ССР, 1980, 75 с.
 35. Зорастрійская мифология. СПб.: ИТД "Летний сад", 1988, 559 с.
 36. История армянского народа. Ч. I. Ереван: Эребуни, 1951.
 37. Кесаманлы Г.П., Ямпольский З.И. Историко-археологический комплекс из села Ибрагим Гаджли Азербайджанской ССР // *Советская археология*, 1966, №1.
 38. Кобзев А.И. Учение о символах и числах в китайской классической философии. М., 1993.
 39. Крупнов Е.И. Глиняная головка "скифа" из Закавказья // *Вестник древней истории*. М., 1940, № 3-4. 430 с.
 40. Кругликова И.Т. Идолы из Дильберджина // *История и культура античного мира*, М.: Наука, 1977, с. 87-91.
 41. Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, М.: Наука, 1984, 196 с.
 42. Кызласов Л.Р. О значении термина балбал древнетюркских надписей. М.: Наука, 1996. 348 с.
 43. Кызласов Л.Р. О назначении тюркских каменных изваяний, изображавших людей // *Советская археология*, 1964, №2.
 44. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930, 270 с.
 45. Масон В.М. Первые цивилизации. Л.: Наука, 1989, 274 с.
 46. Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Каменные изваяния Чечено-Ингушетии. // *Советская археология*, 1964, №1.
 47. Максимова М.И. Античные фигурные вазы, т. 1. М.: Апполон, 1916, 283 с.
 48. Мень А. Истоки религии. М., 1983, 352 с.
 49. Мурадова Ф.М. Гобустан в эпоху бронзы. Баку: Елм, 1979, 118 с.
 50. Моисей Каланкатуйский. История Агван. Баку: Елм, 1993, 270 с.
 51. Османов Ф.Л. Терракоты Азербайджана античной эпохи и их ближневосточные параллели. Сб. Искусство и археология Ирана. М., 1971.
 52. Пластика и рисунки древних культур. М.: Искусство, 1983, 195 с.
-

53. Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. М., 1964.
54. Ранние формы искусства. Сборник статей. М.: Искусство, 1972, 478 с.
55. Первобытное искусство. Антропоморфные изображения.
56. Расим Эфенди. Каменная пластика Азербайджана. Баку: Ишыг, 1986.
57. Рзаев Н.И. Искусство Кавказской Албании. Баку: Элм, 1975, 254 с.
58. Рзаев Н.И. Искусство Кавказской Албании. Баку: Элм, 1976, 254 с.
59. Рыбаков Б.А. Космогония и мифология земледельцев энеолита // Советская археология, 1965, №1, с. 42.
60. Седых В.Н., Святилища, кумиры, храмы... // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. Материалы конф. СПб., 200 с.
61. Сеидов Мирали. По следам оланга. // Азербайджан, 1965, № 12.
62. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М.: Политической литература, 1989. 573 с.
63. Токарев С.А. Ранние формы религии. М.: Политической литература, 1990, 621 с.
64. Топоров. О ритуале Введение в проблематику. Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988, 295 с.
65. Топоров В.Н. Ранние формы искусства. М.: Искусство, 1971, 235 с.
66. Фрезер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1968, 265 с.
67. Федоров-Давыдов Г.А. Курганы, идола, монеты // Советское искусство, М., 1968, 265 с.
68. Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды // Искусство, М., 1976, 226 с.
69. Халилов М.Дж. Древние святилища, связанные с каменными изваяниями у с. Шатырлы // Доклады АН Азербайджана, т. 13, №7, 1986, с. 78-82.
70. Халилов М.Дж. Каменные изваяния Азербайджана / II пол I тыс.-летие до н.э. – I тыс.-летие н.э. / Автореф канд. дисс. Москва, 1988. Хишам ибн Мухаммад ал-Калби. Книга об идолах (китаб ал-аснаб).
71. Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М.-Л., 1966, 160 с.
72. Шульц П.Н. Скифские изваяния Причерноморья // Сборник "Античное общество". М., 1967, с. 225-237.
73. Элиаде М. Религии Австралии. СПб.: Университетская книга, 1998.
74. Элиаде М. Космос и история. М., 1987, 200 с.
75. Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989, с. 83.
76. Andre Leroi-Gourhan. Prehistoric Art and Civilization. New York: Abrahams Publishers. 1968, 359 p.
77. Negahban O. Marlik. Philadelphia 1966, Album, 230 pages.
78. A.Poupe. Masterpieces Arts of Islam. New-York, 1981, vol. 2-4.
79. R.H.Dyson, Jr. Sciences Meet in Ancient Hasanlu. New-York, 1960, 236 p-s.
80. Muscarella O.W. Bronze and Iron. Ancient Near Eastern Artifacts in the Metropolitan Museum of Art. New-York, 1988, 501 p-s.
81. Mellart J. Chatal Huyuk, A Neolithic Town in Anatolia, London, 1967, p. 150.
82. Kleiss W. Siedlung und Burgen in Azerbaidjan. Archaeologische Mitteilungen aus Iran "Berlin", N.F 8. 1975, S. 345.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Терракотовая статуэтка. Баку. I тыс.-летие до н.э.
2. Терракотовая статуэтка. Шеки. Албанский период.
3. Каменная статуя. Абшерон. Поздняя бронза.
4. Терракотовая женская статуэтка. Шому-тепе. Газах. Энеолит.
5. Терракотовые женские статуэтки. Молла-Исаклы. Исмаиллы. I в. н.э.
6. Терракотовая статуэтка. Тепе Сараб. Южный Азербайджан. Неолит.
7. Терракотовая статуэтка. Мингячевир. I-II века н.э.
8. Каменная курганная статуя. Абшерон. Поздняя бронза.
9. Каменная статуя. Абшерон. Эпоха железа.
10. Каменная статуя. Агдам. Албанский период.
11. Каменная статуя. Хыныслы. Шамаха. III-V века.
12. Каменный балбал. Абшерон. Тюркан. Эпоха бронзы.
13. Терракотовая фигурка быка. Гюльтепе. Энеолит.
14. Терракотовая фигурка быка. Гейтепе. Южный Азербайджан Энеолит.
15. Бронзовая фигурка оленя. Мингячевир. II тыс.-летие до н.э.
16. Бронзовые фигурки птиц. Мингячевир. II тыс.-летие до н.э.
17. Бронзовые фигурки оленей. Доланлар. Гарабах. I тыс.-летие до н.э.
18. Бронзовая фигурка льва. Хасанлу. Южный Азербайджан. IX-VIII в. до н.э.
19. Терракотовая фигурка льва. Мингячевир. Албанский период.
20. Бронзовая фигурка льва. Борадигях. Масаллы. I в.
21. Бронзовое навершие в виде головки льва. Хасанлу. IX в. до н.э.
22. Бронзовая фигурка тура. Южный Азербайджан. II тыс.-летие до н.э.
23. Фигурка орла. золото. Хыныслы. Шамаха. I в. до н.э. – I в. н.э.
24. Бронзовая фигурка голубя. Дашкесан. Албанский период.
25. Каменный балбал. Зиря. Абшерон. Эпоха бронзы.
26. Каменная статуя. Гала. Абшерон. Раннеалбанская эпоха.
27. Каменная статуя. Мардакян. Абшерон. Эпоха железа.
28. Каменная статуя. Келбаджар. Эпоха железа.
29. Каменная статуя. Гарибли. Товуз. Конец I тыс.-летие до н.э.
30. Каменная статуя. Гявуркала. Агдам. III-V вв.
31. Каменная статуя. Шефибейли. Агдам. III-V вв.
- 32, 33, 34. Каменные статуи. Барда, Тер-тер. III-IV вв.
35. Каменная статуя. Шатырлы. Барда. III-V вв.
36. Каменная статуя. Моллалар. Агдам. III-V вв.
37. Каменная статуя. Сейидсулан. Агдара. III-V вв.
38. Каменная статуя. Сейидсулан. Агдара. III-V вв.
39. Каменная статуя. Хыныслы. Шамаха. III-IV вв.
40. Рельеф на камне из курганной оградки. Мардакян. Эпоха железа.
41. Бронзовая статуя Албанского царя Джеваншира. VII в.
42. Рельефы «Баиловских камней». Баку. XII-XIII века.
43. Надгробная каменная статуя в виде барана. Газах, XV в.
44. Надгробная каменная статуя в виде лошади. Ширван. XVI в.

45. Терракотовые фигурки. Мингячевир. I-II вв.
46. Терракотовые фигурки. Физули. I-II вв.
47. Терракотовые фигурки. Молла-Исаклы. Исмаиллы. I-II вв.
48. Глиняные фигурки. Габала. I-III вв.
49. Зооморфная скульптура. Ханлар. III-IV вв.
50. Бронзовые фигурки оленя. Нахчыван, Мингячевир, Шабран. I тыс.-летие до н.э.
51. Бронзовые головки быков. Хасанлу. XI-IX в. до н.э.
52. Бронзовая фигурка рыбы. Баку. I тыс.-летие до н.э.
53. Бронзовая фигурка птицы. Човдар. I тыс.-летие до н.э.
54. Терракотовая скульптура. Кызылванк. Нахчыван. III-VII вв.
55. Терракотовая фигурка. Хыныслы. Шамаха. I-II вв.
56. Бронзовая фигурка человека. Ибрагим-Гаджилы. Товуз. I тыс.-летие до н.э.
57. Бронзовая фигурка. Амираджаны. Баку. Античный период.
58. Терракотовые фигурки. Молла-Исаклы. Исмаиллы. I-III вв.
59. Керамический зооморфный сосуд. Мингячевир. II тыс.-летие до н.э.
60. Керамический зооморфный сосуд. Зивие. IX-VIII в. до н.э.
61. Фигурный сосуд. Хасанлу. IX-VIII в. до н.э.
62. Фигурный сосуд. Мингячевир. V-III в. до н.э.
63. Зооморфный сосуд. Мингячевир. IV-III в. до н.э.
64. Каменная фигурная чаша. Мингячевир. II тыс.-летие до н.э.
65. Фигурный керамический сосуд. Мингячевир. IV-III в. до н.э.
66. Зооморфный керамический сосуд. Зивие. VIII-VII в. до н.э.
67. Зооморфный керамический сосуд. Зивие. VIII-VII в. до н.э.
68. Зооморфный керамический сосуд. Зивие. VII в. до н.э.
69. Фигурный керамический сосуд. Хасанлу. II тыс.-летие до н.э.
70. Бронзовое навершие. Гарабах. IX в. до н.э.
71. Бронзовая подвеска. Хасанлу. IX в. до н.э.
72. Зооморфный сосуд. Серебро. Зивие. VIII-VII в. до н.э.
73. Керамический ритон. Мингячевир. I в. до н.э.
74. Бронзовая ножка трона. Загаллы. Нахчыван. III-IV в.
75. Фрагмент бронзового подсвечника. Лачин. I в.
76. Бронзовый светильник (чираг). Чухур Габала. V-VII вв.
77. Бронзовая фигурка. XII-XIII вв.

Корректор: **Гюней Магеррамова**
Компьютерное оформление и дизайн: **Рашад Гамидов**